

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 18

1956

Лев САМОЙЛОВ-ВИРИН

М А Й О Р
М И Л И Ц И И

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 18

Лев САМОЙЛОВ-ВИРИН

МАЙОР МИЛИЦИИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва, 1956

На обложке: рисунок худ. П. Пинкисевича.

Редактор — **Н. КРУЖКОВ.**

А 00860. Подписано к печати 13/IV 1956 г. Тираж 150 000. Изд. № 360.
Заказ № 790. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. 0,87 бум. л. — 2, 39 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

Глава I

У комиссара милиции

Этот день мне запомнится надолго.

Утром дежурный по управлению милиции сообщил по телефону, что комиссар может принять меня. Наскоро позавтракав, я вышел на улицу. Мостовая и тротуары были мокры. Сохранившаяся после ночной грозы влажная свежесть чувствовалась и в прозрачном воздухе и в голубой чистоте неба. Трава на бульварах еще не обсохла и поблескивала под лучами солнца мириадами капель.

Часы показывали десять, когда, получив пропуск, я направился к указанному мне входу и очутился в саду с подстриженными деревьями, газонами и клумбами цветов.

В глубине сада широко раскинулось старинное здание с мощными белыми колоннами. Я вошел внутрь. В коридорах было прохладно и тихо. Только из какого-то отдаленного кабинета слабо доносились приглушенные голоса и стрекотание пишущих машинок.

Комиссар был занят, и мне пришлось ждать, правда, совсем недолго. Я даже не успел как следует оглядеться, как услышал свою фамилию и секретарь пригласил меня пройти в кабинет. За большим письменным столом сидел широколицый человек в очках, лет за пятьдесят. Бросились в глаза его сильно посеребренные волосы, прическа с пробором и ряды орденских ленточек на легком, светлом кителе.

Мы обменялись приветствиями. Однако телефонный звонок задержал начало нашего разговора. Комиссар жестом пригласил занять кресло перед его столом и взял трубку.

— Да, это верно, — негромко сказал он. — Бухгалтер столовой Орлов. Убит на улице выстрелом из пистолета... В семь часов вечера... Нет, в сознание не приходил... Повидимому, в целях ограбления. Пока не могу утверждать. Ведется рассле-

дование... Преступник был один в машине «Победа»... Нет, скрылся. Серого цвета... Нет, не такси. Сообщение об этом я вам послал... Обстоятельную справку получите завтра... Я понимаю... Да, завтра... Хорошо...

Комиссар говорил тихо, спокойно, но было видно, что он взволнован и раздражен.

— Прошу извинения. Еще одну минуту. — Комиссар снова поднял трубку и набрал нужный номер.

— Здравствуйте, Анна Герасимовна! — приветливо сказал он. — Как ваше здоровье? Лучше? Очень рад... А Федор Георгиевич дома? Недавно пришел... Знаю, знаю... Что делать, такая уж у нас участь, голубушка. Передайте, пожалуйста, что-бы он немедленно явился ко мне.

Комиссар закончил разговор и положил трубку. Я уже собрался было говорить о своем деле, но меня снова прервал телефон. Казалось, все, кто мог звонить и спрашивать, занялись этим именно сейчас. Чаще всего, как можно было понять из ответов, задавали два вопроса: «Как это среди бела дня, в центре города допустили преступление?» и «Задержан ли преступник?»

На первый вопрос комиссар не мог, естественно, ответить до окончания расследования. Но на второй, казалось бы, легкий вопрос следовало отвечать «нет». Однако это коротенькое слово комиссар не мог выговорить без досады и раздражения.

В открытые окна кабинета из сада вливался нежный аромат цветов. Неожиданно громко прозвучала сирена, и послышался шум удаляющейся машины. Комиссар поднял голову, и я увидел усталое, бледное лицо. Серые глаза в паутинках мелких морщинок внимательно смотрели на меня.

— Слушаю вас.

— Товарищ комиссар, вам, конечно, известно порученное мне задание?

— Редакция просит вас написать несколько очерков о передовых людях милиции. Не так ли?

— Совершенно верно. Не могу ли я...

— Извините, вам придется пройти в политотдел. Я распоряжусь, чтобы вам дали материалы.

— Видите ли, товарищ комиссар, — сказал я, — по бумажным отзывам трудно составить живое, а главное, верное представление о людях.

— Что же вы хотите? — Он откинулся в кресле.

— Хочу лично познакомиться с людьми, присмотреться к их работе.

Несколько мгновений комиссар задумчиво смотрел в сторону, что-то соображая, прикидывая, потом решительно сказал:

— Хорошо. Я предоставляю вам эту возможность...

Вошел секретарь и доложил о приходе майора Гончарова. Я оглянулся. Темноволосый, среднего роста, коренастый человек переступил порог. У майора было худое, энергичное, гладко выбритое лицо с правильными чертами. Твердо, несколько даже тяжеловато ступая, он подошел к нам и, обращаясь к комиссару, произнес глуховатым голосом:

— Здравствуйте, товарищ комиссар, явился по вашему приказанию.

— Садитесь. Докладывайте, как идет расследование.

Гончаров посмотрел на меня, потом перевел взгляд на комиссара.

Комиссар познакомил нас и сказал:

— Можете говорить.

Майор доложил, что он организовал проверку гаражей и стоянок автомашин силами милиции и общественности. В три часа ночи в гараже одного научно-исследовательского института была обнаружена автомашина «Победа» серого цвета с глубокой царапиной на кузове, очень похожей на след пули. Вскоре был задержан и шофер Савушкин, который спал дома пьяный.

Комиссар огорченно пожал плечами.

— Значит, еще никаких улик нет. В серый цвет окрашивают много автомашин, а происхождение царапины не выяснено. Что говорит Савушкин?

— Уверяет, что ездил к тетке в Клин и вернулся в гараж поздно вечером.

— Ну, вот видите... А кто ему разрешил уехать с работы по личным делам?

— Никто не разрешал. Я его допрашивал сегодня под утро. Сперва он заявил, что был выходной и в этот день не работал. Потом «вспомнил», что ездил по вызову заместителя директора института, а в конце концов сказал, что все это неправда, что он обманул заведующего гаражом и ездил к тетке в Клин.

— Как он объясняет царапину на машине?

— Говорит, какой-то мальчишка бросил камень. Как только получу заключение экспертизы, снова вернусь к этому вопросу.

— Он судился?

— Нет. Имел взыскание за нарушение правил уличного движения.

— Тетку допросили?

— Ночью по телефону мы связались с Клином и дали такое указание. Ответа ждем с минуты на минуту.

— Надо бы срочно проверить! — недовольным голосом заметил комиссар. — Кто ведет расследование?

— Начальник отделения капитан Дроздов. От управления в помощь ему выделен старший следователь Коваленко.

— Хорошо! — Комиссар помолчал. — Вот что. Вам я поручаю руководство расследованием по этому делу и с вас лично буду спрашивать.

— Слушаюсь! — Гончаров сделал движение, чтобы встать, но комиссар задержал его.

— Обыск у Савушкина произвели?

— Да, но безрезультатно. Ничего не нашли, кроме черной кожаной куртки, в которую, со слов свидетелей, был одет преступник.

— Кожаная куртка? У какого шофера ее нет? Что говорит директор столовой?

— Он еще не допрошен.

— Почему? — удивился комиссар.

— Мы не могли сразу установить личность убитого: при нем не оказалось никаких документов.

— Понятно, — нетерпеливо перебил комиссар. — Но откуда и когда стало известно, что Орлов нес деньги в банк?

— Сегодня утром от сотрудников столовой. Орлов почему-то не стал дожидаться инкассатора. Подробности не знаю. Сейчас поеду к капитану Дроздову и все уточню.

— В ваших возможностях ускорить темпы расследования, — сдержанно заметил комиссар. — Машину Савушкина хорошо осмотрели?

— Мне доложили, что, кроме царапины, ничего существенного не обнаружено. Я проверю.

— Да, да! Обязательно проверьте!

Вошел секретарь и молча положил комиссару на стол папку с документами. Комиссар просмотрел бумаги, снял очки и протер глаза носовым платком.

— Все проверьте, — продолжал он, не теряя нити разговора. — Однако расследование надо вести и в другом направлении. Это ведь не случайная карманная кража в толпе у какого-то ротозея. Здесь все заранее продумано и подготовлено. А нередко бывает, что преступления, которые сложно совершить, легко раскрываются, да-да... К примеру, кто мог совершить это преступление? Тот, кто знал, что Орлов, а не инкас-

сатор банка понесет деньги, и какой дорогой он пойдет, и даже время, когда это будет происходить. Но ведь все это могли знать только очень немногие сослуживцы Орлова. Выявить этих лиц — первая и главная задача, которую вы, товарищ Гончаров, должны разрешить. Ясно?

— Вполне.

— Заодно надо выяснить, кто и почему разрешил бухгалтеру носить деньги, нарушая правила инкассации.

— Слушаюсь, будет сделано!

— Вот что, — продолжал комиссар, — немедленно через научно-технический отдел исследуйте, как давно снимался с машины номер. Очень странно, почему никто не заметил номера, а он должен был быть. Может быть, и фальшивый, но был.

— Номер был, но люди растерялись и...

— А почему постовой не записал номер? Тоже растерялся?

— Вряд ли, товарищ комиссар. Вы его, наверно, помните. Он этой весной спас двух ребятишек во время ледохода. — Гончаров посмотрел в мою сторону и добавил: — Шалили на льду, льдина перевернулась, и они свалились в воду.

— А-а, — протянул комиссар, — конечно, помню! Крылов — его фамилия. Хороший милиционер. Почему же теперь он так оплошал?

— Вчера я выезжал на присищество, — ответил Гончаров. — Вы разрешите, вот план.

Гончаров, не торопясь, развернул принесенный им большой лист бумаги, свернутый в трубку, разложил на столе перед комиссаром и стал объяснять:

— Это Земляной вал. Вот улица Карла Маркса. Здесь Гороховский переулок. Видите, он сразу круто сворачивает в сторону, и если глядеть с улицы, то можно подумать — это тупик. Крылов услышал выстрел, — Гончаров взял из резной деревянной кружечки на столе комиссара карандаш и указал место на плане, — когда был вот здесь, около входа в сад имени Баумана, это метров семьдесят пять — сто от Гороховского переулка. Прибежав, он увидел лежащего на тротуаре мужчину и на полном ходу уже на повороте автомашину, серую, без шашек. Он крикнул: «Стой!» — побежал за машиной и дал по ней выстрел. Но, когда добежал до поворота, машина уже исчезла из виду. Организовать погоню за ней было поздно и бесполезно. Плохо, конечно, что он номера не заметил, но вчера вечером перед грозой стало темно, а потом, словно нарочно, хлынул сильный дождь...

Комиссар внимательно слушал, глядя то на Гончарова, то на план, лежавший на столе.

— Ваши объяснения убедительны, — медленно проговорил он, — но факт остается фактом. Совершилось преступление, рядом был милиционер, который, вместо того чтобы организовать погоню, стрелял в машину и дал скрыться преступнику. Прошу произвести тщательное служебное расследование.

— Слушаюсь!

— Вы понимаете, как мы виноваты? Нами для изобличения преступника еще ничего не сделано, а время не ждет.

Комиссар снял с маленького настольного коммутатора трубку и нажал один из никелированных рычажков.

— Товарищ Раскатов? Здравствуйте! По делу Орлова задержана автомашина... Да-да... Кто ведет экспертизу? Профессор Черпаков? Хорошо. Разыщите его и попросите позвонить мне... Он у вас? Очень кстати. Передайте ему трубку. Здравствуйте, Василий Федорович! Как вы себя чувствуете? Очень рад. Когда выходит «Судебная баллистика»?.. Ну, наконец-то... Да, я хотел спросить, что за царапина на автомашине. Пробоина? Стало быть, камень исключается... Так, так... Огнестрельное оружие большой силы?... Да, милиционер стрелял из «ТТ». Полностью... Спасибо... Желаю здоровья.

Положив трубку, комиссар задумался, закурил, побарабанил пальцами по столу и уже без всякого раздражения сказал:

— Теперь у меня сомнений нет. Все же работы по этому делу будет еще много. Может быть, Дроздову не хватает работников, мобилизуйте из городского аппарата. Впрочем, вам на месте будет виднее. Докладывайте регулярно, как пойдет расследование.

— Слушаюсь!

— Савушкин женат?

— Так точно!

— Допросите лично жену Савушкина, ее показания могут иметь решающее значение, и смотрите, как бы она не перепрыгала деньги и оружие. Это создаст дополнительные трудности в расследовании.

— Я это учитываю.

— У вас есть еще что-нибудь?

Гончаров молча протянул пачку фотографий. Комиссар мельком взглянул на них и передал мне.

Это была серия обзорных снимков места происшествия с отметками красной тушью: крестиком — стоянка машины и стрелкой — направление, по которому она скрылась. Я при-

стально рассматривал четкие и ясные фотографии улицы, живо представляя происшедшую там человеческую трагедию.

— Товарищ комиссар, — воспользовавшись наступившим молчанием, сказал я, — разрешите мне присутствовать при допросе задержанного преступника?

— Это я и имел в виду, — ответил комиссар. — Поэтому и задержал вас у себя. Поезжайте! Посмотрите, как мы работаем.

Комиссар встал, мы тоже поднялись.

Подойдя ко мне, комиссар добавил:

— Теперь вы имеете возможность лично все увидеть, будете «на переднем крае». Это, конечно, лучший путь.

Неслышно ступая по ковру, я и Гончаров вышли из дверей кабинета.

Глава II

Кепка на мостовой

Из приемной Гончаров позвонил в гараж, вызвал машину и затем, как мне показалось, довольно сухо пригласил меня. Мы молча спустились к выходу.

Когда машина подошла, я спросил:

— Может быть, вы недовольны моей просьбой? Скажите, я сейчас же уйду.

— Что вы?! — неожиданно горячо запротестовал Гончаров, приподымая брови и глядя на меня чуть покрасневшими от бессонницы глазами. — Чем же мне быть недовольным?

Он взял меня под локоть, дружески подсадил в машину и занял место рядом.

— У меня, наверно, такой вид... недовольный. Так на это есть основания. Да вы не обращайтесь внимания. С чего это вы взяли, право! Пожалуйста, смотрите, наблюдайте, только...

Шофер обернулся и вопросительно посмотрел на Гончарова. Гончаров назвал адрес, и машина тронулась.

— Только не вмешиваться? — спросил я, полагая, что именно об этом он хотел меня просить.

— Нет, — рассмеялся Гончаров. — Только вряд ли это будет так интересно, как кажется. Ведь у нас все буднично. Работа и еще раз работа.

— Вы скромничаете, товарищ майор. Раскрытие преступления — разве это не романтика!

— В известной мере вы правы, — усмехнулся Гончаров. — Но не всегда.

— А дело Савушкина?
— Не знаю. Пока ничего не знаю.
— Но это неприятная для вас история?
— Как всякое убийство. И почему только для нас? — возразил майор. — Разве преступление касается только потерпевшего и милиции? Впрочем, конечно, спрашивать в первую очередь будут с нас.

Гончаров вздохнул и умолк.

Машина замедлила ход и остановилась. Я взглянул на часы: было без четверти двенадцать.

Кабинет начальника отделения находился в конце длинного узкого коридора. Мы были уже у дверей кабинета, когда к нам подошел младший лейтенант милиции и, подняв руку к козырьку, доложил, что майора Гончарова спрашивают из управления.

Гончаров направился к телефону, а я постучал в дверь и вошел.

Девушка в белой милицеской форме прекратила печатать и вопросительно посмотрела на меня. Я назвался и спросил, могу ли видеть начальника отделения. Она быстро прошла к двери в смежную комнату и, слегка приоткрыв ее, сказала негромко:

— Приехал писатель.

— Пусть войдет, — послышался звонкий голос.

Навстречу мне шел высокого роста молодой мужчина в форме капитана милиции. На его лице, простом и добродушном, играла приветливая улыбка.

— Капитан Дроздов, — представился он. — Прошу вас. Комиссар уже звонил по телефону. Очень рад. Присаживайтесь вот сюда, на диван.

Завязался неторопливый разговор. Капитан ждал Гончарова и, видимо, волновался, что тот задерживается. Но вот появился майор.

— Ну, что нового? — спросил он еще на пороге кабинета. — Что еще удалось узнать?

Гончаров снял пиджак, повесил его на спинку стула, отстегнул пуговицу у воротника, растянул петлю галстука и уселся рядом со мной на диван.

— Много нового, товарищ майор! — поспешно и, как мне показалось, радостно ответил Дроздов.

— Да? Интересно. Неужели деньги или оружие нашли?

Дроздов покачал головой.

— Из Клина сообщили, что Савушкин не был у своей тет-

ки с позапрошлого воскресенья. Это во-первых, а во-вторых, к нам пришла одна гражданка и принесла кепку, выпавшую из машины.

— Какую кепку? Из какой машины?

— Кепку Савушкина, вероятно.

— Не понимаю.

— А вы сами с ней поговорите.

— С кем с ней?

— С Кедровой. Я ее сейчас приведу.

Дроздов быстро вышел из кабинета и скоро вернулся обратно с миловидной, очень молоденькой женщиной, держащей на руках грудного ребенка в белом кружевном конвертике. Женщина села в кресло возле письменного стола, поправила свое голубенькое с цветочками платье, заглянула в конвертик и, найдя все в порядке, посмотрела на нас.

— Будьте добры,— сказал Дроздов,— повторите товарищам ваши показания.

— Сначала?

— Да, пожалуйста.

— Вчера вечером я возвращалась домой,— негромко начала рассказывать женщина.— Я была у мамы. Она живет на улице Баумана, а я в Гороховском переулке. Вдруг слышу — стрельба. Я испугалась и остановилась. Откуда, думаю, что такое? В это время мимо меня пронеслась автомашина серого цвета, и я увидела, как из окна, где сидит шофер, что-то упало. Мне показалось, что с головы шофера... Я подбежала и подняла. Это была кепка, немного поношенная. Вон она лежит на подоконнике в газете...

Гончаров быстро встал, подошел к окну, развернул газетный сверток и достал из него шерстяную коричневую кепку. Осмотрев кепку, он снова аккуратно завернул ее и положил на прежнее место.

Показания Кедровой действительно вносили существенный вклад в дело расследования, и, повидимому, Гончаров придавал им серьезное значение.

А она продолжала неторопливый рассказ:

— Мне показалось, что между стрельбой и автомашиной имеется какая-то связь. Я даже подумала: «Надо сейчас же эту кепку отнести в милицию, может быть, она будет нужна». Но тут пошел сильный дождь, и я заторопилась домой, а потом началась гроза, и я уже из дому не выходила. Я бы вчера еще ее принесла, да так уж получилось,— извиняющимся голосом проговорила Кедрова.

— А номера машины вы не заметили? — спросил Гончаров.
— Нет. Меня товарищ Дроздов спрашивал. Ах, как жаль, что я не догадалась!

— Машина быстро промчалась мимо вас?

— Очень быстро. Я даже испугалась, когда она завизжала на повороте в Малый Демидовский переулок. Ее так швырнуло...

— А вы видели, как кепка слетела с головы? — уточнял Гончаров.

— Да... Кепка вроде как мелькнула и упала на мостовую...

— По ходу машины вы стояли с левой или с правой стороны?

— Дайте сообразить... Да, машина шла от улицы Карла Маркса, — Кедрова помогала рукой объяснить направление, — а я стояла напротив школы, значит, с правой стороны... С правой! — твердо заключила она и наклонилась к ребенку, морщившему во сне тонкие бровки.

Дальнейшие показания Кедровой не представляли интереса.

— Большое вам спасибо! — сказал, вставая, Гончаров.

Мы тоже поднялись со своих мест.

— Извините, что побеспокоили.

— Пожалуйста, — смутилась Кедрова. — Только что же я сделала? Кепку подобрала да принесла...

— Это для нас очень важно! Вы нам помогли. Большое спасибо!

Кедрова ушла. С минуту мы стояли, не говоря ни слова.

Первым нарушил молчание Гончаров:

— Молодец!.. И ребенок маленький, и, наверное, весь дом на руках, а пришла. Ну, ладно! Возьмемся за работу. Значит, Савушкин у тетки в Клину не был. Так, так... Товарищ капитан, попросите сюда Савушкина, надо его допросить. Скажу по совести, кое-какие детали мне еще не ясны.

Глава III

Допрос

Савушкин был слегка сутулый, с бледным, небритым, ничем не примечательным лицом. Такие лица обычно не запоминаются. Чувствовалось, что он испуган и насторожен. У него был вид человека, страдающего головной болью и не выспавшегося.

Савушкину предложили сесть. Он тяжело опустился на стул, обвел нас слегка припухшими глазами и почему-то шепотом попросил дать ему покурить. Гончаров протянул портсигар. Поблагодарив, Савушкин взял папиросу и закурил. Однако после первой же затяжки поморщился и погасил папиросу.

Дроздов достал из стола пачку бланков допроса и приготовился записывать показания.

— Приступайте, товарищ капитан, — сказал Гончаров. — Предварительно разъясните гражданину Савушкину, в чем мы его обвиняем.

— Гражданин Савушкин, — ясно выговаривая каждое слово, начал Дроздов, — вы обвиняетесь в том, что двадцать седьмого июня сего года в девятнадцать часов десять минут в Горховском переулке в целях ограбления выстрелом из пистолета убили бухгалтера столовой гражданина Орлова Ивана Ильича и похитили у него портфель с деньгами, принадлежащими столовой...

Дроздов назвал похищенную сумму, сообщил, какими статьями Уголовного кодекса предусматривается совершенное преступление, и спросил:

— Признаете вы себя виновным?

— Нет, не признаю, — ответил Савушкин хриплым, простуженным голосом. — Никого я не убивал и не грабил.

— Хорошо, я так и запишу: «Виновным себя не признаю».

— Расскажите, гражданин Савушкин, где вы были и что делали вчера до момента вашего задержания? — спросил Гончаров.

Савушкин заерзал на стуле.

— Где я был? — спросил он, делая ударение на слове «где».

— Да, где вы были?

— Ну, взял машину, заправил бензином у колонки... Есть у нас там возле гаража... Ну, и поехал в Клин, к тетке...

— Это неверно, — сказал Гончаров. — С вашей тетушкой мы связались по телефону и выяснили, что вы не были у нее с позавчерашнего воскресенья.

— Я говорю: хотел поехать. По дороге раздумал.

— Ах, вот как! Хотели поехать, раздумали и вернулись в гараж?

— Да, у меня не ладилось с зажиганием, и я вернулся обратно.

— Это уже, — Гончаров стал считать на пальцах, — четвер-

тая придуманная вами версия. От трех вы сами отказались. Говорите правду: где вы были?

— Я правду говорю.

— Ладно, не будем спорить. Сколько времени вы пользовались машиной?

— Не помню.

— А где пили вино?

— К обеду выпил сто грамм и кружку пива.

— Где вы обедали?

— В какой-то столовой.

— В какой? Где?

— Не помню.

— Когда вы обедали? До поездки или во время поездки?

— Во время.

— Когда же это было?

Савушкин пожал плечами, опустил голову и не ответил.

— Вы уехали из гаража в шестнадцать часов, а вернули машину в двадцать один час. Где вы были пять часов?

Не получив ответа, Гончаров предложил Савушкину по часам, последовательно рассказать, куда он поехал из гаража, какой дорогой и где находился целый день и вечер.

Но Савушкин никак не мог толком объяснить, где был и что делал. По его словам получалось, что весь день он находился либо по дороге в Клин, либо по дороге из Клина.

Гончаров и Дроздов внимательно наблюдали за Савушкиным, а тот заметно нервничал, старался отвести глаза и время от времени озирался исподлобья.

Неожиданно Гончаров спросил:

— Почему, когда вас задержали, вы были без головного убора?

— Кепку я потерял.

— Где?

— Не помню.

Это ваша кепка?— Гончаров протянул Савушкину кепку.

Тот несколько мгновений присматривался к ней, потом взял, надел на голову — кепка пришлась в точности.

— А я-то ее искал, искал... Где вы ее взяли, начальник?— Улыбка смягчила его хмурое лицо.

— Мы ее взяли в том месте, где вами был убит бухгалтер Орлов,— твердо сказал Дроздов.

Савушкин откинулся на спинку стула и, не моргая, смотрел на Дроздова. Вдруг он вскочил со стула, сорвал с головы

кепку и с размаху бросил ее об пол. Ни Гончаров, ни Дроздов даже не шевельнулись.

— Что же это делается, товарищи?! Ну, выпил, ну, был в нетрезвом виде, ну, побили мне машину, согласен, каюсь, штрафуйте! Отбирайте права! Но за что же держать меня, таскать по милициям да еще заявлять, что я убил... Никого я не убивал! — кричал он. — Это не моя кепка! Что, на ней написано, что она моя? Вы подобрали ее где-то, да мне и приписываете!..

— Успокойтесь, Савушкин, не шумите, — негромко сказал Гончаров. — Кепка ваша, и о ней разговор окончен. Скажите: где вы поцарапали машину?

Савушкин тяжело дышал и ничего не говорил. Наконец, овладев собой, он ответил:

— По дороге из Клина мальчишка камень бросил.

— Неправда, — спокойно сказал Гончаров, — от камня, брошенного рукой мальчика, такого следа быть не может. Экспертиза уже установила, что это след пули.

— Не знаю, ничего не знаю.

— Подумайте, Савушкин, — снова вступил в допрос Дроздов. — Дело серьезное, отмахнуться словами от него нельзя. От ваших показаний зависит очень многое. Расскажите, что вас толкнуло на преступление. Ведь мы все равно все узнаем. От вас зависит ускорить следствие, а это в ваших интересах.

Дроздов говорил доброжелательно, словно перед ним находился тяжело больной человек, отказывающийся принять необходимое лекарство.

— Вы только послушайте, Савушкин, что говорят факты, — продолжал капитан. — Вчера убит бухгалтер столовой Орлов, у которого похитили портфель с деньгами. Это факт? Факт! Я спрашивал у вас, где вы были вечером? Вы несколько раз меняли показания.

Дроздов взял дело, лежавшее у него на столе, и быстро нашел нужный ему документ.

— Вот... Вы ответили, так и записано в протоколе допроса: «Сегодня днем я ездил к своей тетке, проживающей в Клину, по Садовой улице, в доме № 4, и вернулся от нее часов в десять вечера». Проверяю ваши показания, — оказывается, ложь. Не ездили вы к тетке и не были у нее около двух недель. Это факт? Факт! Так или не так?

Савушкин молчал. Он сидел, опустив голову на руки, облокотившись на колени, и, сжимая пальцами виски, глубоко вздыхал.

— Пойдем далее,— продолжал Дроздов.— Преступник был на автомашине «Победа» серого цвета, точно такой, какую водите вы. Когда он бежал на ней с места преступления, старшина милиции Крылов выстрелил. На вашей машине обнаружен след пули. Это факт? Факт! Я спрашиваю: откуда эта царапина? Вы отвечаете: мальчишка какой-то бросил камень. Ложь! Это след пули... Но и это не все. Очевидцы, как один, повторяют: стрелял в Орлова человек в черной кожаной куртке. Я спрашиваю: вы носите черную куртку? Вы отвечаете: да. Что это, совпадение? Нет! На месте преступления найдена кепка, утерянная человеком, убившим Орлова. Это факт? Факт! Ваша эта кепка? Ваша! Вы понимаете теперь всю нелепость запирательства? Мы требуем: сдайте оружие и похищенные деньги.

— Знать ничего не знаю. Делайте со мной, что хотите, я ничего другого не скажу,— прохрипел Савушкин. Безжизненное лицо его стало серо-пепельным.

— Может быть, тогда вы скажете, что за пятьсот рублей пытались спрятать от нас, когда мы были у вас на квартире?

— Какие пятьсот рублей? — с деланным недоумением переспросил Савушкин.

— А те, что были обнаружены у вас в сапоге.

— Мои это деньги. Подумаешь, капитал! Я ведь работаю,— сказал Савушкин и низко опустил голову.

— Отправьте его обратно,— приказал майор.

Когда протокол был подписан, Савушкин тяжело поднялся со стула. Дойдя до двери кабинета, он остановился, хотел что-то сказать, но махнул рукой и вышел.

Глава IV

Кто был в машине

Глубоко задумавшись, Гончаров неподвижно сидел у края стола. Если бы не быстрые взмахи пальцев, вертевших металлический портсигар, можно было бы подумать, что он дремлет. Но вот он встал, положил портсигар в карман и, подойдя ко мне, спросил:

— Вы чем-то удивлены?

— Упрямством Савушкина. Никак не могу объяснить его поведения.

— Всякое бывает,— неопределенно протянул Гончаров.

— Что же вы будете делать, если Савушкин не захочет со-
знаться? — спросил я.

— Работать, — лаконически отозвался Гончаров. — Товарищ капитан, дайте команду срочно вызвать директора столовой. Он очень нужен.

Дроздов нажал кнопку. Из соседней комнаты донесся слабый дребезжащий звонок, и в дверях появилась девушка в белом кителе с небольшим листком бумаги в руке.

— Товарищ Зайцева, Коваленко здесь?

— Здесь, товарищ капитан.

— Ко мне кто-нибудь есть?

— Есть. Я составила список.

Она подошла к столу, передала листок и стала ждать указаний.

— Пусть всех примет старший лейтенант Андреев. А Коваленко передайте, чтобы сейчас же вызвала директора столовой Никитина.

Зайцева вышла.

— Товарищ капитан, — спросил Гончаров, — в машине Савушкина найдено что-нибудь интересное?

— На первый взгляд ничего особенного. Что там? Несколько горелых спичек, окурочек, волос какой-то — вот и все.

— Не богато. Но покажите мне все это хозяйство.

— Слушаюсь. Пройдемте в соседний кабинет. Все материалы у Коваленко.

— Идемте. — Гончаров снял со спинки стула пиджак и надел его.

Письменный стол, широкий деревянный шкаф и десяток стульев занимали почти весь узкий и длинный кабинет, в котором работал следователь Коваленко. Войдя, я с удивлением увидел, как из-за стола встала молодая женщина в синем форменном кителе, на котором поблескивал университетский значок. Она приветливо улыбнулась нам. Меня представили.

Дроздов пригласил поудобнее устроиться и сам сел рядом со мной.

— Вера Анатольевна, покажите, пожалуйста, все, что нашли в машине, — попросил Гончаров.

Коваленко усадила Гончарова на свое место за столом, а сама прошла в угол комнаты и открыла шкаф. Три крошечных конверта, извлеченные из папки, легли перед майором.

— Немного, — покачал он головой.

В одном бумажном конверте лежали три обгорелые спички,

в другом — окурок папиросы. Содержание третьего, целлофанового, состояло всего-навсего из одного волоса.

— Ну что ж, — придвинул к себе конверты Гончаров, — спички отложим в сторону, возьмем папиросу.

Он осторожно вынул пинцетом окурок. Бросилась в глаза часть мундштука, окрашенная в яркокрасный цвет.

— Какая яркая помада!

— Этот цвет так и называется яркоморковный, — заметила Коваленко.

— Машиной пользуется профессор...

— Кадомцев, — подсказал Дроздов.

— Он женат?

— Не знаю.

Вмешалась Коваленко:

— Разрешите, товарищ майор? Сегодня я звонила по телефону в институт и разговаривала с профессором. Товарищ Кадомцев обещал быть у нас без четверти четыре.

— Хорошо, благодарю вас. — Гончаров еще некоторое время разглядывал со всех сторон окурок, потом бережно уложил его обратно в конверт.

— Надо выяснить один весьма существенный вопрос, — сказал он. — Как давно снимался с машины номер?

— Номер вообще не снимался, — ответила Коваленко. — Эксперт осматривал машину, установил, что номер надет давно и в последнее время не снимался. Письменное заключение будет готово к вечеру.

Гончаров внимательно выслушал ее и сказал тихо, ни к кому не обращаясь:

— Я так и думал!..

— А вот, товарищ майор, еще один немой свидетель. — Дроздов взял со стола и передал в руки Гончарову целлофановый конверт и большую лупу.

— Ну, тут без микроскопа не обойтись!

— А я его сейчас принесу. Разрешите! — Не дожидаясь ответа, Коваленко поспешно вышла из комнаты.

Осторожно, тем же пинцетом майор вынул из пакетика волосок, положил его на предварительно разостланный на столе чистый лист бумаги и стал внимательно рассматривать через увеличительное стекло. Потом взял со стола линейку и измерил длину волоса.

— Ишь ты, какой длинный: двадцать девять сантиметров.

Вошла Коваленко с микроскопом и поставила его на стол. Гончаров, не торопясь, поместил волос между двумя стек-

лышками. Мы внимательно наблюдали. Прошло несколько минут.

Закончив свои исследования, Гончаров уложил волос в пакет, спрятал микроскоп в ящик и сказал:

— Ну, что же, друзья, кое-какими новыми данными мы обогатились. По структурному строению это волос человека, и, судя по его длине, он принадлежит, вернее, принадлежал женщине. Итак, мы знаем: женщина курит и красит губы помадой яркоморковного цвета. К этому теперь мы можем добавить, что она крашеная блондинка и носит короткую прическу.

— Откуда вы все это узнали? — недоверчиво спросил я.

— Видите ли, обыкновенно волос к концу постепенно утончается и имеет иглообразный вид. Иногда вершина его расщепляется, как говорят судебные медики, «метелочкой». А так как у этого волоса окончание ровное, следовательно, волос обрезан и, вероятнее всего, острижен ножницами.

— Но, может быть, он не острижен, а женщина случайно оборвала его, поправляя свою прическу? — не сдавался я.

— Нет, не может. Если волос оборвать, то место разрыва будет не ровное, а ступенчатообразное. Окончание волоса успело несколько зашлифоваться, надо полагать, стрижка была произведена не менее двух — трех недель тому назад. Это уже уточнит специалист.

— А как вы установили, что эта женщина — крашеная блондинка? — спросил я.

— Очень просто. Весь волос светлый, а у корня темный. За время, прошедшее после окраски, волосы отросли и у корня имеют свой естественный цвет.

— Однако, — возразил я, — еще неизвестно, чей это окуроч и чей волос. Может быть, он принадлежит жене профессора или вообще попал в машину случайно, — сказал я.

— Проверим, — спокойно ответил Гончаров и, улыбнувшись, спросил: — Вы видели когда-нибудь завитую женщину после купания или попавшую под дождь?

— Видел, — ответил я, не понимая смысла вопроса.

— Тогда вы, очевидно, заметили, что при перманенте мокрые волосы вьются мелкими кудряшками...

Я вынужден был признать, что до сих пор на это не обращал внимания.

Гончаров продолжал:

— При других способах завивки волосы, наоборот, от воды расправляются и висят, как солома, если волосы вьются от природы, то они остаются без изменения. Если положить во-

лос в блюдце с водой, он или завьется, или выпрямится, или останется таким же. Вот мы и можем узнать, какую прическу носит наша незнакомка.

— Так давайте сделаем этот эксперимент,— предложила Коваленко,— ведь это действительно важная примета.

— Вообще-то всякие испытания и эксперименты с вещественными доказательствами должен делать только эксперт. И все это надо протоколировать,— заметил Гончаров.— Но дело у нас срочное, время не ждет, давайте экспериментировать сами, а потом составим соответствующий акт.

Коваленко принесла блюдечко с водой. В торжественной тишине волос был опущен в воду и свернулся в колечко.

— У нее перманент! — воскликнул я.

— Правильно. Видите, сколько мы узнали о нашей незнакомке по одному только волосу! Теперь нам ясно, что Савушкин возил в машине женщину. Мало того, мы можем сказать, что возил он ее не далее чем вчера, судя по свежести окурка и помады. Конечно, не исключена возможность, что жена профессора Кадомцева курит и красит губы яркой помадой и что именно она была в машине.

— По-моему, это исключено,— вмешался Дроздов.— Если бы Савушкин возил вчера жену профессора, он сам сказал бы нам об этом. Зачем ему скрывать?

— Логично! — одобрил майор.

На пороге комнаты появилась Зайцева и доложила, что приехал профессор Кадомцев. Это было очень кстати. Все мы перешли в кабинет Дроздова, куда секретарь пригласила профессора. Мы увидели маленького роста старичка, одетого, несмотря на жаркий день, в черный костюм, застегнутый на все пуговицы.

— Мне нужен товарищ Коваленко,— низким отчетливым голосом произнес он.— Я Кадомцев.

После того, как Коваленко познакомила профессора со всеми нами, Дроздов сказал:

— Очень жаль, товарищ Кадомцев, что мы отнимаем у вас время, но чрезвычайные обстоятельства...

— Чем могу быть полезен?— сдержанно отозвался профессор.

— Нами задержан ваш шофер Савушкин по обвинению в совершении убийства с целью ограбления...

Профессор был поражен. Он откинулся на спинку стула, вынул для чего-то очки, надел их, тут же снял и положил в карман.

— Это невероятно! Он, что же, задавил кого-нибудь?

— Нет, — ответил Дроздов и, в свою очередь, задал вопрос: — Вы никогда не видели у Савушкина оружия?

— Что вы! Откуда оно у него? Оружие, убийство... Я бы поверил еще, что он использовал машину не по назначению, но оружие?.. И тогда, пожалуйста спросить, почему он не ограбил меня? — Профессор пылливо оглядел нас. — У меня нередко бывают изрядные суммы...

— Скажите, профессор, кто, кроме вас, пользуется машиной? — вступил в разговор Гончаров.

— Никто не пользуется, — растягивая слова, ответил профессор. — А что, разве задержан еще кто-то?

— Нет, нет. Пока один Савушкин. Однако нами точно установлено, что не далее как вчера вашей машиной пользовалась какая-то женщина.

— Женщина? Странно! Моя жена больше месяца как уехала в Крым и вернется не раньше, чем через две недели.

— Может быть, кто-нибудь еще пользуется? — настойчиво переспросил Гончаров.

Кадомцев пожевал губами и твердо сказал:

— Лично я никому свою машину не даю, а для сотрудников института у нас имеются специальные машины. Может быть, жена Савушкина?

Мы переглянулись. Действительно, странно, что никто до сих пор не вспомнил о жене Савушкина. А ведь проще всего предположить ее соучастие. Об этом говорил и комиссар. Если она была в машине, тогда сразу становится понятным поведение Савушкина, упорно не желающего говорить правду.

Гончаров пожал плечами и ответил:

— Проверим. Все, товарищ Кадомцев. У меня вопросов больше нет. Как у вас, товарищи?

Вопросов не оказалось ни у Дроздова, ни у Коваленко.

— Невероятная история! — проговорил профессор, вставая. — Невероятнейшая! Если понадобится, вызывайте. Рад буду оказать помощь.

— Большое спасибо, — поблагодарил Гончаров, провожая профессора до двери. — Да! Еще один вопрос. Ваша жена курит?

Профессор с удивлением посмотрел на майора и ответил коротко и резко:

— Не курит, не курила и никогда не будет курить! Терпеть не могу курящих женщин! — Он сдержанно поклонился и вышел из кабинета.

— Серьезный товарищ! — шутливо заметил Дроздов.

Гончаров ничего не ответил. У него был озабоченный вид.

— На который час, товарищ капитан, вы вызвали жену Савушкина?

Дроздов посмотрел на часы.

— Она должна быть уже здесь.

И, словно в подтверждение его слов, вошедшая Зайцева доложила:

— Товарищ капитан, к вам пришла гражданка Савушкина.

Глава V

Неожиданный вывод майора Гончарова

В кабинет вошла высокая смуглая, цыганского типа женщина лет двадцати пяти в яркой, пестрой блузке. Женщина шла боязливо, держа в руке паспорт и повестку.

— Садитесь, Мария Николаевна, — приветливо обратился Дроздов к посетительнице, заглянув в ее паспорт. — Вы работаете?

— Работаю... На ламповом заводе. Вам справку принести?

Она нервно откинула со лба локон иссиня-черных волос.

— Нет, не надо. Вы сегодня выходная?

— В вечерней смене я с сегодняшнего дня. Была в ночной. А следующую неделю буду с утра работать... Товарищ начальник, скажите, что с мужем? Ведь его с утра как вызвали, до сих пор нет...

— Видите ли, — ответил Гончаров своим чуть глуховатым голосом, — против него есть серьезное подозрение. Но вы не волнуйтесь. В жизни всякое бывает. Разобраться надо.

Савушкина доверчиво посмотрела на Гончарова и тяжело вздохнула.

— Конечно, разобраться следует. Только тихий он у меня, не буян, и жизнь его мне хорошо известна, вроде как на ладони вся. Правда, к выпивке тяготение имеет.

— Что делал ваш муж вчера вечером?

— Не знаю... А что случилось?

— Где он был вчера?

— На работе, должно быть...

— Куда он ездил вчера, вы знаете?

— Нет. А он сам-то что говорит?

Держалась она напряженно, отвечала кратко, точно боясь необдуманным ответом повредить мужу. Гончаров продолжал

задавать вопросы. Его доброжелательный тон постепенно внушил Савушкиной доверие. Она успокоилась, стала разговорчивее.

— Да, муж действительно собирался к своей тетке. Может, и был у нее, не знаю. Вчера вваливается домой часов в десять вечера, без кепки, усталый, больной. «Маша, голова трещит, есть ничего не буду: тошнит». Дала я ему пирамидон, и он завалился спать... Ушла на работу, он спал.

— Муж был пьян?

— Я бы не сказала. Не особенно. Вообще-то он любит выпить. Может, пока домой шел, протрезвился... Он знает, что я смерть не люблю, когда он пьяным приходит.

Гончаров достал портсигар и протянул Савушкиной:

— Курите!

Она покачала головой:

— Не занимаюсь.

Гончаров тоже не стал курить и отложил папиросы.

— А что за деньги мы обнаружили в сапоге у вашего мужа? — спросил он.

Савушкина раздраженно повела плечами:

— Черт его знает, откуда он взял деньги! Мне о них дворничиха сказала. Ее позвали, когда обыск был. Ума не приложу.

— Значит, вы не все знаете о вашем муже.

— Пятьсот рублей! Да откуда же он взял их?

Ее удивление было искренним.

— Откуда он их взял? — повторил майор. — Этого и мы добиваемся от него.

По лицу Савушкиной пошли красные пятна, и она с возмущением проговорила:

— Леший его знает! Кажется, все знала: и куда ходит и что делает, а нате же вам!

— Вы не волнуйтесь, — попрежнему спокойно заговорил Гончаров. — Все это мы выясним.

— Утаил... Я в жизни теперь ему этого не прощу.

Савушкина всхлипнула и вытерла слезы.

Весь последующий допрос интереса не представлял. Примерно через полчаса она посмотрела на ручные часы и сказала:

— Пятый час. Как бы не опоздать на работу...

— Еще один вопрос: могли бы вы узнать кепку вашего мужа?

— Кепку? Ту, которую он потерял? Конечно. Кепку мы с ним вместе покупали. Коричневая, шевиотовая, под цвет ко-

стюма. Он, знаете, не любит, когда верх на кепке поднимается, все выбирал, чтобы покрепче кнопка была. А кнопка скоро испортилась, и я сама нитками закрепила верх. Черными нитками.

— Товарищ капитан,— распорядился Гончаров,— найдите несколько коричневых кепок и покажите гражданке. Пусть отыщет среди них кепку мужа. Не забудьте пригласить понятых.

Дроздов вышел и очень скоро вернулся.

Привели двух пожилых мужчин, на которых поверх одежды были надеты широленные фартуки из сурового полотна.

— Проходите, товарищи.

Дроздов разложил принесенные кепки на подоконнике, незаметно подложив к ним кепку, найденную Кедровой, и попросил Савушкину подойти.

— Вот она,— уверенно сказала Савушкина и взяла кепку, принесенную Кедровой. Перевернув ее, она показала на подкладке место, прошитое черными нитками.— Откуда она у вас?

— Нам ее принесли,— сказал Гончаров, вставая.— Ну, что же, задерживать вас долго не будем. Дадим справку, что были вызваны в качестве свидетельницы. Товарищ капитан, оформите протокол допроса.

Уходя, Савушкина обратилась к Гончарову:

— Товарищ начальник! Муж-то, наверно, голодный.

— Не беспокойтесь. Его накормят.

Савушкина ушла.

Дроздов собрал с подоконника кепки и унес их. Кепку Савушкина Коваленко снова завернула в газету и взяла с собой.

Оставшись вдвоем с Гончаровым, мы усадились на диван и закурили. Немного помолчав, я сказал:

— Как нарастают улики против Савушкина!

Однако майор ничего не ответил.

— Чересчур быстро нарастают,— сказал за него вошедший в кабинет Дроздов.— Чересчур быстро.

— Что вы хотите этим сказать? — Я тоже поднялся с дивана.

Вошла Коваленко и, увидав, что мы стоим посреди кабинета, с удивлением посмотрела на нас.

— Дело в том,— Гончаров заговорил медленно, словно раздумывая,— дело в том, что Савушкина следует отпустить: он никого не убивал и даже не был на месте преступления.

Глава VI

Щедрые пассажиры

В комнате наступила тишина. В открытое окно с дуновением ветра влетела маленькая желтоватая бабочка и, покружив под потолком, начала биться о стекло фрамуги. Дроздов, стараясь не шуметь, прошел к письменному столу, сел возле него да так и замер, как бы ожидая дальнейших разъяснений со стороны майора.

Коваленко даже и не старалась скрыть своего изумления. Она опустила на стул возле двери и не сводила широко открытых глаз с Гончарова.

— Я вас не понимаю, товарищ майор, — сказал я. — Вы что же, хотите, чтобы убийца гулял на свободе?

Вероятно, на моем лице было написано такое удивление и испуг, что Гончаров улыбнулся.

— Вы правы, освободить преступника — это все равно, что самому совершить преступление. Но ведь еще ужаснее держать в тюрьме невинного человека. Не правда ли?

— Это Савушкин-то — невинный человек?

— Не спору. Поведение его странное, но он не убийца и не грабитель...

— Позвольте! Факты говорят обратное. Совершенно убийство. На месте преступления находят кепку, принадлежащую преступнику... находят деньги...

— Знаю, знаю... Все знаю, — прервал меня Гончаров, — и кепка, и пулевая пробоина в машине, и кожаная куртка, но не спешите делать заключение. Не следует горячиться.

— Меня смущает одно обстоятельство, — заговорил Дроздов. — Все складывается так, что убил Савушкин, и улики и показания против него, но я не могу понять, какой водитель пойдет на преступление на своей машине, да еще не сменив номера? Это же безрассудно, а с другой стороны, если Савушкин не убивал, тогда зачем он врет. К чему он приплел свою тетку, выдумывает какого-то мальчика с камнем? И, наконец, показание Кедровой. Она твердо заявила, что видела, как кепка слетела с головы, слетела, а не подброшена.

— Вот, вот! В этом все дело! — воскликнул Гончаров. — Кедрова — хороший, честный советский человек и уверена, что все происходило так, как она здесь рассказала. Но Кедрова заблуждается: не видела она, как кепка упала с головы.

— Позвольте! — запротестовал я. — Как вы можете оспаривать показание свидетеля, очевидца!

— В данном случае обязан, — возразил майор. — Ничего она не видела и не могла видеть.

— Откуда это вам известно?

Гончаров усмехнулся:

— Скажите, вы когда-нибудь видели, как слетает с головы кепка?

— Конечно, видел. От ветра слетает!

— Кепка от ветра? Не путайте со шляпой. Чтобы кепка слетела от ветра, надо, чтобы она почти не держалась на голове. Нет, кепка так просто от порыва ветра, да еще из закрытой машины, не улетит. Вы представьте себе автомашину «Победа» и вспомните, какие маленькие окошечки по бокам от шофера. Чтобы кепку сорвало ветром с головы, надо на полном ходу голову высунуть в окно. И это на крутом повороте из Гороховского переулка в Малый Демидовский! Я вас спрашиваю: как Кедрова могла видеть это, когда она сама говорит, что стояла с правой стороны машины?..

— Да, — подхватил Дроздов. — Она даже рукой показывала, как машина проехала мимо нее.

Гончаров закурил и, разгоняя клубы табачного дыма, прошел к столу и сел в кресло.

— А место шофера, к вашему сведению, находится с левой стороны, — продолжал он. — Что же, шофер бросил педали управления, на ходу передвинулся на правое сиденье и высунул голову в окно? Не мог же он головой дотянуться со своего места до правого окна. Абсурд! Просто Кедрова услышала выстрел, испугалась. Мимо нее на большой скорости промчалась машина, и на мостовой она увидела кепку. Воображение подсказало ей, что кепка упала с головы шофера. Что поделаешь? Иногда самые правдивые и добросовестные свидетели могут ошибаться.

— Однако... — начал я, но Гончаров, не слушая, продолжал:

— Кепка не упала. Ее подбросили, рассчитывая на то, что кто-нибудь ее поднимет и отнесет в милицию. Этого намерения у преступника раньше, очевидно, не было, но когда он увидел бегущего милиционера, услышал выстрел, он понял, что машина замечена, номер установлен, и сделал все, чтобы подозрение пало на шофера. Хитрый мерзавец! Убийца был одет в черную кожаную куртку, потому что маскировался под шофера, и своей цели достиг. Все свидетели прекрасно запомнили черную кожаную куртку. Преступник хотел этим напра-

вить следствие по ложному следу, полагая, что мы начнем искать хозяина машины и, конечно, найдем Савушкина. Действительно, куда деться Савушкину? Кепка его, кожаная куртка его, след пули на кузове тоже увеличил число улик. Все против! Ловко! Преступнику важно выиграть время. В этом кроется весь его хитрый расчет.

— Товарищ капитан,— обратился Гончаров к Дроздову,— дайте команду доставить сюда Савушкина, а вы, товарищ Коваленко, останьтесь с нами, только сперва узнайте, где находится директор столовой и позаботьтесь, чтобы он скорее был здесь.

— Я сегодня три раза звонила в столовую,— ответила Коваленко.— Никитин ушел с работы утром. Где он сейчас, никто не знает.

— А ему известно, что мы его ждем?

— Конечно. Утром я с ним говорила, он обещал быть к двенадцати часам.

В это время в кабинет принесли завтрак.

— Прошу вас,— гостеприимно пригласил нас Дроздов.— Товарищ Коваленко, возьмитесь за хозяйство. Давайте устроим минут на пять обеденный перерыв.

Когда посуда была убрана, в кабинет вновь вызвали Савушкина. Он вошел угрюмый, насупленный.

— Идите сюда, Савушкин,— добродушно, как старого знакомого, подозвал его Гончаров,— садитесь здесь, поближе ко мне. Вот так. Ну, а теперь расскажите, что же все-таки у вас стряслось?

— Ничего не стряслось! — тоскливо ответил Савушкин, искоса поглядел на Коваленко и опустил голову.

— Где же вы потеряли вашу кепку?

— Не знаю. Ничего не знаю. Только никого я не убивал... И в мыслях у меня такого не было.

— Вы говорите, что не убивали. Допустим... Но убийство было, и убийца был одет в кожаную черную куртку.

— Я своей куртки никому не давал.

— Возможно, но стрелял человек, одетый, как и вы, в черную кожаную куртку.

— Не знаю такого...

— Вы утверждаете, что ни в кого не стреляли, но ведь кто-то стрелял. И этот кто-то был на вашей машине. Может быть, вы ее кому-нибудь давали, одолжили на время? А, Савушкин?

Савушкин широко раскрытыми глазами смотрел на майора. Видимо, какие-то неожиданные мысли возникли у него.

— Я никому машину не давал, — едва внятно произнес он.

В этом ответе можно было уловить что-то новое, не столько в смысле произнесенных слов, сколько в интонации. Но Гончаров попрежнему оставался непроницаем и, казалось, был озабочен только одним: успевает ли Дроздов записывать вопросы и ответы.

— Значит, кто-то пользовался машиной без вашего позволения, — твердо сказал Гончаров и вдруг спросил: — Кто эта рыжая бабенка, в завитушках, которую вы возили вчера?

Савушкин в изумлении уставился на майора.

— Ну, говорите, кто она такая?

— Не знаю.

— Вы ее раньше когда-нибудь видели?

— Нет.

— Откуда же она взялась?.. Ну, что вы молчите?

И тут Савушкин, заикаясь, отрывисто, несвязно стал рассказывать:

— Значит, так. Выехал я из гаража. Заправил машину у бензоколонки... Поехал... Думаю, надо к тетке в Клин съездить... Свободного времени много. У Кировских ворот, на перекрестке у светофора, машина задержалась. Подбегает ко мне мужчина, говорит: «Сто рублей, вези нас за город, быстро!» Смотрю, рядом с ним эта самая, в завитушках. И я, товарищ начальник, согласился их везти. Что виноват, то виноват, государственная машина. Не имел никакого такого права...

— Ладно, ладно, рассказывайте дальше.

Савушкин поднял голову, провел языком по сохнувшему губам и попросил воды. Коваленко налила из графина и подала ему. Он жадно отпил несколько глотков.

— ...Что же дальше? Посадил я их в машину и погнал ее через Комсомольскую площадь прямо в Сокольники. На Красносельской они попросили остановиться у «Гастронома». Купили вина, закуски, поехали дальше. Выехали в лес. Выбрали место поукромнее, вышли из машины. Стали пить, закусывать, поднесли мне. Отказываться неудобно. Выпил два раза по двести. Вообще я здоров выпить, не хмелею, а тут вскоре что-то мне стало не по нутру. Враз опьянел. Все поплыло в глазах, почувствовал слабость, прилег на траву и больше ничего не помню.

Савушкин допил стакан и сказал:

— Вот и все, товарищ начальник.

— Как все? — спросил Гончаров. — А куда же эта парочка делась?

Савушкин глубоко вздохнул и, как бы решившись открыть свою последнюю тайну, продолжал:

— Проснулся я под вечер, шел сильный дождь, весь промок, тошнит, голова вот-вот развалится. Глянул вокруг — парочки той уже нет. Смотрю, машина на месте, проверил, целы ли права. Порядок. А на сиденье лежат пятьсот рублей. То ли плата мне, то ли они обронили...

— Когда вы заметили пробойну в машине?

— Приехал в гараж, ставлю машину, мне кто-то кричит: «Эй! Кузов ободрал!» Гляжу — точно... Где я царапнул, ума не приложу. И как это я проехал по городу и меня никто не остановил? Надо думать, дождь помог.

— Что же вы сразу обо всем этом не рассказали?

— Да мне говорят: убийца, грабитель! А я никого не грабил, и не убивал, и от машины не отходил. Все думал, с кем другим путают.

— Вы можете описать наружность ваших пассажиров?

— Отчего же? Мужчина высокий, лет двадцати восьми — тридцати, обходительный такой, лицо симпатичное, особого ничего нет. Когда разливал водку, я заметил наколку у большого пальца, какое-то имя, а какое, не прочел...

— А как он был одет?

— В серый пиджачный костюм, прилично одет. А женщина... Да вы ее, наверное, знаете. Точно обрисовали: «Рыжая, в завитушках», — так она и выглядит... Яркая такая, лицо круглое, нос... — Он пальцем приподнял кончик носа. — Сначала она много смеялась, а потом скисла и стала молчаливой... А во что была одета, хоть убейте, не помню, обыкновенно, как все женщины летом одеваются...

— Ясней ясного. А как они друг друга называли?

— Чего не помню, того не помню: ни к чему мне... — Савушкин вздохнул. — Виноват я: налево сработал, — только, слово даю, товарищ следователь, никакого преступления я не совершил... Да и револьвера у меня никогда не было...

— Я вам верю, Савушкин, — сказал Гончаров. — Конечно, вам придется объяснить суду, как вы стали пособником грабителей и убийц. Ну, это — дело суда... А сейчас поедете с нашими сотрудниками и покажете место, где пировали. Вернетесь обратно, выполним кое-какие формальности — и отправитесь домой.

— Домой? — дрогнувшим от волнения голосом спросил Савушкин.

— А вы что, не хотите? — улыбнулся Дроздов.

Все шумно поднялись. Гончаров, наклонившись через стол, попросил Дроздова поторопиться.

Растерянно суетившегося Савушкина увели. Он шел к выходу нетвердой походкой, задевая по дороге стулья.

В кабинете опять наступила тишина.

Я вынул блокнот и сделал кое-какие записи. Закончив, оглянулся. Кроме меня и Гончарова, никого не было.

— Товарищ майор, — обратился я к нему, — скажите, пожалуйста, какое значение для дела имеет вопрос, снимался с машины номер или нет? Нельзя же ездить по городу без номера!

— Охотно объясню. Для нас это имеет очень важное, можно сказать, первостепенное значение. Как вы знаете, номер прикрепляется винтами и закрепляется гайками. Допустим, имеются свежие следы отвертывания гаек, например, свежая смазка маслом... В этом случае надо предположить, что на машину ставилась чужой или фальшивый номер. В данном случае этого не было, номер не снимался, а ведь преступление совершено не по мгновенному побуждению, оно подготовлено заранее, заранее обдуманно. Спрашивается: какой же шофер, если он в здравом уме, поедет в своей машине совершать преступление на улице, можно сказать, среди бела дня, на глазах прохожих, выставляя у всех на виду свой номер? Это же все равно, что всем показать свой паспорт.

— Однако никто номера не запомнил, — сказал я.

— Чистая случайность! Рассчитывать на такую случайность нельзя, и никто на нее никогда не рассчитывает. Важно другое: преступник не заботился, запомнит номер машины или нет. Ему это было безразлично, он старался лишь сбить следствие с правильного пути, запутать и замести следы... Против Савушкина скопилось слишком много улик. Из-за этого нагромождения улик возникает сомнение в их достоверности. Фактически они, если так можно сказать, перешли в новое качество, изобличили свою собственную нарочитость и подтасованность. Кому же выгодна была эта подтасованность? Конечно, человеку, нанявшему машину. Задача преступника ясна: добиться, чтобы подозрение пало на другого, ни в чем не повинного человека. Давайте посмотрим, что у нас получится, если мы поверим Савушкину.

— Давайте.

— Некто в сером костюме, будем его так называть, нанял

машину, поехал за город, спойл шофера, надел его куртку, кепку, взял машину и отправился к месту, где встретил Орлова. Совершив преступление и увидев, что за машиной гонится милиционер, убийца выбросил из окна кепку Савушкина. Благополучно вернувшись, он поставил машину на прежнее место и положил на сиденье машины пятьсот рублей из награбленных денег. Вот версия, которая вытекает из показаний Савушкина. Так, по-моему, и обстояло дело.

— А почему преступник не подбросил шоферские права? Это было бы еще убедительнее.

— Ну, что вы! — Гончаров улыбнулся моей наивности. — В интересах преступника, чтобы мы искали шофера, и искали как можно дольше...

Мы еще продолжали обсуждать историю преступления, когда за дверью послышались громкие голоса. Вошел Дроздов с сотрудниками, несшими какие-то свертки. Последним, стараясь не попадаться на глаза, вошел Савушкин.

— Пьянствовали! — сказал Дроздов. — Здесь остатки вина и окурки со следами такой же помады. Боюсь, как бы дождь не испортил на бутылках следы пальцев.

Он вызвал Зайцеву и отдал распоряжение об отсылке этих вещей в научно-технический отдел для экспертизы.

— Выпито немало. Тут не то что на троих, на шестерых хватит, — заметил кто-то из присутствующих.

— Эх, Савушкин! — сказал Гончаров, отыскав его глазами. — Вот до чего пьянство довело — до связи с убийцами и грабителями!

Но Савушкина как будто подменили. Теперь это был совсем другой человек. С его лица сошел землистый оттенок; оно стало мягче, добрее. Застенчиво улыбаясь, Савушкин даже не старался скрыть свою радость.

— Что же, товарищ майор, — сказал Дроздов, — из тупика мы вышли. Теперь начнем все сначала.

Гончаров молча кивнул головой.

Глава VII

Почему уволилась Марчевская

Дроздов вышел из кабинета по срочным делам отделения. Коваленко увела с собой Савушкина, чтобы вернуть ему документы. Я с Гончаровым снова остался вдвоем.

— Меня не покидает ощущение, — сказал я, — что Савушкина вы отпустили преждевременно.

При моих словах Гончаров, который до этого что-то писал, отложил ручку, внимательно и серьезно посмотрел на меня.

— Как вы можете так говорить? — ответил он. — Савушкин совершил проступок — его накажут, но он не уголовный преступник, и держать его под стражей хотя бы один час является нарушением социалистической законности.

— Уж не так-то Савушкин невиновен.

— Что же из этого? Каждое наше действие по уголовному делу: допрос, задержание или освобождение из-под стражи — все определено законом, и всякое отступление от него строго наказывается.

Разговор пришлось прекратить. В комнату вошли Дроздов и Коваленко.

Вслед за ними вкатился невысокого роста тучный человек лет шестидесяти с объемистым портфелем в руках.

Его красное круглое лицо было точно обожжено солнцем. Человеку было жарко, его мучила одышка, и он то и дело вытирал влажный лоб и затылок цветным носовым платком.

— Что же это делается, товарищ начальник! — начал он низким, сильным голосом, одновременно протягивая нам мягкую, горячую руку. — Ужас какой! Первоклассная столовая, ни одной жалобы, ни одного замечания, переходящее знамя третий год, и вдруг такое событие: лучшего работника, замечательного человека убили. Это же кошмар!.. А почему? Ротозейство! Один раз недоглядел, лично не проверил — и вот, извольте видеть, результат! Убили человека, забрали деньги.

Человек не говорил, а бросал фразы одну за другой.

— Товарищ Никитин, почему вы так поздно? Обещали быть в двенадцать, а сейчас сколько? — строго спросил Дроздов.

Никитин развел руками:

— Что я могу сделать? Где только сегодня я не был! Все вызывают, все ругают, а чем я виноват? Вчера вечером меня в столовой даже не было.

Гончаров пододвинул стул:

— Садитесь, пожалуйста, и расскажите, что произошло. Почему Орлов понес сам деньги? Ведь обычно за деньгами приезжает инкассатор.

Никитин тяжело опустился на стул, положил возле себя портфель и, вздохнув, заговорил:

— Вчера в шестнадцать ноль ноль я ушел в министерство,

а оттуда в горторготдел на совещание. Закончилось оно поздно, на работу я не вернулся. Утром прихожу, мне рассказывают, что вчера вечером Орлова убили и деньги отняли. Спрашиваю: как убили, какие деньги? Мне говорят: наши деньги, столовой. Стал я разбираться. Как? Почему? Оказывается, только я ушел, звонок по телефону из банка. К телефону подошел Орлов. Говорят, что сегодня — вчера, значит, — инкассатор не приедет, просят деньги доставить своими средствами. Старшая кассирша идти отказалась: у нее уже несколько дней болела нога. А Орлову все равно идти домой мимо банка, вот он и понес деньги сам. А вскоре как ни в чем не бывало приезжает инкассатор. Ему, конечно, объяснили — он к телефону. Да разве сразу толку добьешься? А когда проверили, выяснили, что никто не звонил.

— Скажите, товарищ Никитин, кто из ваших сотрудников мог знать, что Орлов собирался относить деньги в банк? — спросил Гончаров.

Никитин наморщил лоб.

— Многие, — наконец ответил он. — Изволите ли видеть, аппарат у меня сработался, люди между собой дружат.

— А кто из ваших работников подходит под такие приметы: мужчина лет двадцати восьми — тридцати, высокого роста?

Никитин подумал и уверенно ответил:

— Таких нет. Тридцати лет, говорите? Нет, никого нет.

— Может быть, все-таки есть? Постарайтесь вспомнить.

— Я в этой столовой уже много лет. У меня мужчин — раз, два и обчелся, да и то все пожилые или мальчишки-ученики, а убил Орлова, говорят, шофер легковой машины...

— Может быть, кто-нибудь из знакомых Орлова подходит под эти приметы? — продолжал настойчиво допытываться Гончаров.

— Орлова я знаю давно. Всех его знакомых по пальцам пересчитаю. Нет, нет... Таких не имеется. Я, во всяком случае, не знаю.

Гончаров продолжал:

— Многие из ваших сотрудниц курят?

— Как изволили сказать? — не понял вопроса Никитин.

— Я говорю, многие ли из ваших сотрудниц курят?

— Курят? Да! Некоторые курят.

— Нет ли в числе курящих крашеной блондинки с шестимесячной завивкой?

Никитин растерянно развел руками:

— Женщин у меня много, одних официанток двенадцать, а

потом еще поварихи, раздатчицы, хлеборезы, буфетчицы... Курит, говорите... Да, по-моему, многие из них курят и делают перманент. Крашенная блондинка... Кто их знает! Надо будет присмотреться. А какая она из себя: толстая, худая, большая, маленькая?

— Не знаю, — вздохнул Гончаров.

— Ах, вот оно что! Вы, значит, сами не знаете. Жаль! Очень жаль!

— Значит, вы никого не подозреваете?

— Ума не приложу... Ах, какое горе! Вы бы видели, что у Орлова дома делается... Тяжело... Слов нет, как тяжело... — Он всхлипнул, но сдержался и торопливо добавил: — Я анкеты всех своих служащих с их фотокарточками прихватил. Подумал, может, понадобится просмотреть, допросить кое-кого. Мало ли что...

— Молодец! Большое спасибо! — вырвалось у Гончарова.

Никитин открыл портфель, вытащил объемистую папку и протянул капитану.

— Я всей душой... Поскорей бы найти... — скороговоркой бормотал он.

Дроздов стремительно вышел из кабинета. Я понял, он торопился застать Савушкина, документы которого, возможно, еще оформлялись в отделении... Сейчас здесь в ближайшие минуты могла наступить развязка. Для этого достаточно было, чтобы Савушкин на одной из фотографий опознал вчерашних пассажиров. Томительно тянулось время. Минут через двадцать Дроздов вернулся. Словно отвечая на наши вопросительные взгляды, он отрицательно покачал головой.

— Забирайте, товарищ Никитин. — Дроздов протянул анкеты. — Интересующего нас человека здесь нет.

— Я так и знал! — ответил Никитин. — За своих головой ручаюсь. — Он посмотрел на часы и заторопился.

— Мне пора. Надо организовать похороны, позаботиться о семье.

— Одну минуту! — Гончаров задержал руку Никитина. — Припомните, пожалуйста, не было ли у вас за последнее время случаев увольнения? Может, кто по собственному желанию...

Никитин внезапно прервал майора. Он хлопнул себя по лбу и с волнением произнес:

— Запомню! Совсем запомню! Она! Конечно, она! Крашенная блондинка. Голова пушистая, в мелких локонах.

— О ком вы говорите? — быстро спросил Дроздов.

— О Марчевской. О Вале Марчевской.

Никитин задумался и добавил:

— Пять дней тому назад Валя взяла расчет... Ни с того, ни с сего... По собственному желанию.

— Долго она у вас работала?

— Года два.

— Вы не знаете никого из ее знакомых?

У Никитина словно перехватило дыхание. Он растерянно оглядел всех нас.

— Вот в том-то и дело. Только сейчас вспомнил. Несколько раз к ней заходил мужчина высокого роста, лет под тридцать, а может, чуток помоложе, в сером костюме, ждал, когда она окончит работу, и провожал ее.

— Опишите подробнее Марчевскую, — попросил Гончаров.

— Марчевскую Валю... Что я о ней могу сказать? Работала у меня в буфете. Считалась интересной, симпатичной, — он задумался на мгновение, — не очень полная, блондинка, лет двадцати шести. Следит за собой, хорошо одевается. Часто бывает в ресторанах, любит погулять. Но работала быстро, аккуратно. Была замужем, разошлась. Почему? Кто ее знает. Вот так! Словом, работница она хорошая, дурного ничего о ней не могу сказать. Когда расчет брала, спрашиваю: почему? Говорит, собираюсь замуж, а потом с мужем уезжаем в другой город. Что еще?..

Но тут Никитина перебил Гончаров:

— Адрес Марчевской вам известен?

— Она живет где-то в районе Марьиной рощи... Разрешите, я позвоню к себе и узнаю.

Никитин подошел к телефону.

Я взглянул на Гончарова и Дроздова. Лица их были спокойны и сосредоточенны.

— Извольте ее адрес, — сказал Никитин, кладя трубку. — Второй Лихоборский переулок, двадцать шесть, квартира один. Проживает она в квартире Фагурновой — это не то хозяйка дома, не то ее родственница.

— Спасибо! Пока все! — поблагодарил Гончаров. — Я думаю, что сегодня вы нам больше не понадобится. А ваши показания оформят в другой раз.

Сокрушенно вздыхая, вытирая платком разгоряченное лицо, Никитин направился к выходу.

Мы остались одни. Гончаров наклонился к Коваленко и что-то тихо сказал ей. Она тотчас же встала и вышла.

— Товарищ майор,— спросил Дроздов,— разрешите собирать людей для этой, надеюсь, последней операции?

— Да-а,— задумчиво протянул Гончаров,— не может быть, чтобы это было простым совпадением примет. Уход Марчевской с работы — тоже один из элементов подготовки преступления. Сейчас нужно действовать быстро и осторожно: преступники опасные, будут отчаянно сопротивляться, им терять нечего. Не исключено, что, кроме этой парочки, мы можем наткнуться еще кое на кого... Возьмите людей и расставьте их там как следует... Ну, да вас учить не надо. Организуйте предварительную разведку, выясните, сколько комнат в квартире, кто их занимает, кто сейчас находится дома. Только предупреждаю, действуйте осторожно, чтобы не вспугнуть.

— Слушаюсь, товарищ майор, сейчас все сделаю!

С этими словами Дроздов вышел.

— Как будто все ясно,— сказал Гончаров.— По всей вероятности, именно Марчевская навела убийцу на Орлова, а, следовательно, путь в ее квартиру — это путь...

Он не договорил, прошел к столу, позвонил комиссару и доложил о предстоящей операции.

Когда в кабинет вошел Дроздов, уже одетый в штатское, Гончаров обратился к нему:

— Комиссар приказал, чтобы кто-нибудь из оперативных работников выехал в отделение милиции района, где проживает Марчевская, и собрал о ней материалы... Понятно?

— Понятно, товарищ майор. Я направляю туда старшего лейтенанта Машукина. Не возражаете?

— Отлично, действуйте.

Глава VIII

Следы в саду

— Предстоит опасная операция,— сказал мне майор, осматривая пистолет.— Рекомендую остаться. Завтра мы расскажем вам все самым подробным образом.

С этими словами он защелкнул обойму и опустил пистолет в карман.

— Товарищ комиссар разрешил мне быть с вами,— возразил я.

— Еще раз предупреждаю об опасности, это не спектакль.

— Понимаю и не боюсь.

— Вот посмотрите.— Гончаров поднял волосы над левым виском и обнажил шрам.— Это я получил в тридцать девятом году. Мне открыли дверь и одновременно послали в меня пулю. Вот сюда,— он нагнул голову и показал рубец на темени,— в сорок втором, во время операции, меня ударили железным ломиком. И, наконец, вот сюда, в плечо, угостили пулей — тоже во время операции.

— Я был на фронте.

— Ну, хорошо. Но ставлю непременно условием: подчиняться мне беспрекословно.

— Обещаю.

На машине мы очень скоро добрались до Второго Лихоборского переулка. Одноэтажный деревянный домик номер двадцать шесть стоял за решетчатой оградой. Возле него был разбит небольшой садик с дорожками и клумбами.

Машина проехала дальше и, завернув за угол, остановилась.

Словно из-под земли, около нас вырос Дроздов. Он наклонился к Гончарову и тихо стал что-то говорить. Очевидно, докладывал обстановку. Гончаров одобрительно кивнул головой и вышел из машины. За ним последовал я.

Было около семи часов вечера.

Стояли самые длинные дни. Солнце еще не зашло, но тучи закрыли его, и стало сумеречно.

Переулок был не из оживленных. Прохожие почти не попадались. Гончаров медленно направился к дому Фагурновой.

При всем старании нельзя было заметить каких-либо приготовлений к операции. Ни суеты, ни людей. Мы неторопливо вошли во двор. На скамейке возле палисадника молоденькая девушка в светлом летнем платье и белой пикейной панаме с увлечением читала книгу.

— Она не мешает вам? — шепотом спросил я у Гончарова.

— Кто? — спросил он, с недоумением взглянув на меня.

— Эта девица.

— Какая девица? — улыбнулся Гончаров.— Это же Коваленко!

Коваленко невозможно было узнать — так изменили ее наружность платье и панамка. На нас она не обратила никакого внимания.

Дроздов ушел, но вскоре вернулся и сказал Гончарову:

— Федор Георгиевич! В доме подозрительная тишина. Кто-то есть, но кто именно, установить не удалось.

— Люди на местах?
— Да, окна, кухонная дверь и чердак — все под наблюдением.

Я внимательно осмотрел дом, но не заметил нигде ни одной человеческой фигуры.

— Что ж, пойдём... Мимо садика, прямо к парадной двери, так, кажется? — Не дожидаясь ответа, Гончаров прошёл вперёд.

— Разрешите, Федор Георгиевич! — Дроздов понимал, какая им грозит опасность, и хотел первым встретить ее.

— Прошу подчиняться. Следуйте за мной. А вы, — обратился он ко мне, — посидите с Коваленко.

Они направились к крыльцу дома. Я сказал «хорошо» и... пошел за ними.

Приятно было смотреть на этот чистенький, маленький домик, окнами выходящий в сад. Нигде ни соринки, ни лишней травы.

Гончаров позвонил. Дверь долго не открывали. Мы молча, напряженно ждали. Наконец послышались чьи-то тихие, осторожные, словно крадущиеся шаги, потом металлический звук сброшенного с петли засова. Дроздов неожиданно рванулся вперед и закрыл собой Гончарова. В то же мгновение дверь отворилась. Перед нами стояла чистенько одетая, маленькая, худенькая старушка с густой сетью морщин на лице и гладко зачесанными седыми волосами.

— Здравствуйте! — вежливо сказал Гончаров, отстранив Дроздова и бросив на него недовольный взгляд. — Мы к гражданке Марчевской.

— Что вы говорите? — спросила старушка, знаками показывая, что плохо слышит.

— Можно видеть Валу Марчевскую? — громко переспросил Гончаров.

— А ее дома нет.

— Когда она ушла?

— Да она, кажется, и не ночевала дома. Вот ее комната. — Старушка указала на одностворчатую дверь.

Гончаров вошел в коридор и слегка подергал дверь. Она была заперта.

— Больше никого у вас в квартире нет?

— Никого, — удивленно ответила старушка.

— Можно посмотреть комнату Марчевской из садика? Ведь ее окно выходит в сад? — спросил Гончаров.

— Конечно, можно. Да только вряд ли вы что-нибудь увидите.

Старушка даже не поинтересовалась, кто мы такие, откуда... По пути в палисадник она успела рассказать, что дом и садик принадлежат ей, что она получает пенсию и живет здесь всю свою жизнь, вот уже семьдесят два года, а одну комнату занимает Валя, ее дальняя родственница.

Мы сошли с крыльца, и старушка открыла маленькую зеленую калитку, ведущую в миниатюрный сад, но не успели мы сделать и нескольких шагов, как Гончаров, шедший впереди, резко остановил нас.

Ничего не понимая, я с удивлением взглянул на майора. Он пристально смотрел на дорожку, лицо его стало мрачным. Таким я не видел его еще ни разу. Он подозвал Дроздова и сказал:

— Следы! Срочно слепки! Подготовьте материал! Дело осложняется. — Дроздов бегом отправился исполнять приказание. — Не подходите! — крикнул майор, видя, что я сделал движение по направлению к нему. — Если уж вам хочется посмотреть, сойдите с дорожки, вот сюда, на цветник. Хозяйка простит нас, но на дорожку не переходите, не затопчите чужих следов и не оставьте ваших.

Я перешел на газон и, внимательно всмотревшись, тоже увидел следы ног человека, разорванной цепочкой протянувшиеся по мягкой глине. Это были мужские следы, и вели они к окну Марчевской, теряясь в мутной луже, не просохшей еще после ночного дождя.

Так мы стояли маленькой группкой, не двигаясь с места, перед неожиданно возникшей новой загадкой. Гончаров был погружен в раздумье. Затем, как бы очнувшись от оцепенения, он стал пробираться к окну, придавливая яркие, выращенные заботливой рукой цветы. Он шел, не отрывая глаз от глинистой дорожки, временами останавливаясь, опускаясь на корточки, будто желая запечатлеть эти следы в своей памяти. С такой же тщательностью обходя лужи, Гончаров осмотрел окно и, удостоверившись, что оно заперто, вернулся к нам.

— Пройдите в дом. Придется вскрывать дверь, другого выхода нет... — приказал Гончаров. — Хозяйка, — обратился он к Фагурновой, — может быть, у вас найдется ключ от комнаты, чтобы дверь не ломать?

— Я сейчас, батюшка, посмотрю. — Старушка опрометью бросилась в свою комнату.

Гончаров тщательно осмотрел дверь, ручку, замок, загля-

нул в щель, но, повидимому, ничего не обнаружил. Вернулась хозяйка и протянула связку ключей. Майор внимательно осмотрел их и отобрал один.

В двери мягко щелкнул замок. Гончаров медленно потянул дверь на себя и внезапно остановился.

— Что там? — нетерпеливо спросил я.

Несколько мгновений Гончаров стоял на пороге чуть приоткрытой двери.

— Что? — переспросил я, чувствуя, как сердце у меня сжалось от возникшего страшного подозрения.

— Мертва, — ответил майор, закрывая дверь комнаты. — Не надо входить туда, пусть покамест все остается так, как есть. Скажите, хозяйшка, где у вас тут телефон?

Глава IX

Дверь закрыта изнутри

Казалось, все предвещало скорое окончание расследования. И вот столкнулись с новой драмой, с новой загадкой.

Вернувшись из ближайшего отделения милиции, где он говорил по телефону, Гончаров предложил Дроздову снять посты.

— Я это уже сделал, — ответил Дроздов.

— Передайте Коваленко, пусть пойдет к Фагурновой, успокоит ее и осторожно допросит.

Когда Дроздов вышел, Гончаров откинулся на спинку стула, устало потянулся, но тут же резко встал, потер лоб, голову, взлохматил волосы. Считая, видимо, достаточной эту встряску, он подошел к большому старинному зеркалу в золоченой раме, висевшему в простенке между окнами, причесался, достал папиросы и предложил мне закурить.

— Вы много курите, товарищ майор. Это вредно, — заметил я.

— Вредно! — согласился Гончаров и сделал сильную затяжку.

— Федор Георгиевич, скажите, что здесь произошло, убийство или самоубийство?

Гончаров затаился, медленно выпустил дым и стал старательно сдвигать с плюшевой скатерти какую-то пылинку.

— Ничего нельзя утверждать, пока не будут произведены осмотр и судебно-медицинская экспертиза. Однако полагаю, что и здесь убийство.

— Но каким образом, находясь в садике, вы догадались, что оно произошло? Неужели по следам на дорожке?

— Да, по следам.

— Тогда, значит, кто-то влез к Марчевской в комнату?

— Сейчас мы все узнаем точно. — Майор встал и пошел навстречу входящим в комнату врачу, сотрудникам милиции, прибывшим со служебной собакой, фотоаппаратами, осветительными приборами.

Сзади, стараясь тихо ступать, с серьезными, торжественными лицами шли понятые — двое пожилых граждан: мужчина в защитном кителе без погон и высокого роста худощавая черноглазая женщина.

Гончаров наметил порядок работы, все его одобрили и тут же направились в комнату Марчевской. Зажглись яркие лампы, начался осмотр и фотографирование.

Вскоре приехал прокурор, плотный мужчина с большой лысиной, в коричневой форме советника юстиции. Пробыв в комнате убитой минут тридцать, он вышел обратно и, приняв меня за сотрудника милиции, попросил пригласить к нему квартирохозяйку. Я пошел на кухню, где Коваленко вела допрос старушки, и передал просьбу прокурора.

При появлении Фагурновой прокурор встал, придвинул ей стул и, дождавшись, когда она села, опустился в кресло напротив нее. Коваленко, вошедшая вслед за старухой, протянула ему начатый протокол. Он поблагодарил, пригласил Коваленко сесть рядом, пробежал глазами протокол и обратился к Фагурновой с просьбой рассказать, как давно проживала в этом доме покойная и что известно о ее жизни.

Фагурнова стала рассказывать, нередко отвлекаясь воспоминаниями, вздыхая и причитая.

Прокурор терпеливо слушал, не поправляя старушку, не подкашивая просившихся слов, когда та в затруднении останавливалась.

— Приблизительно полгода тому назад появился этот Вадик, — рассказывала Фагурнова, — Вадим Александрович Грачев, ох, лучше бы его совсем не было...

— Почему? — поинтересовался прокурор.

— Изменилась Валуша, как с ним познакомилась. Так собой он ничего, приятный, обходительный. Меня все бабусей да бабусей звал. А Вальку вроде как подменили. Раньше мы жили тихо, спокойно, а за последнее время забежит она ко мне, поплачет, повздыхает, чувствую, что хочет мне довериться, да все не решается. «Валя, — говорю, — что у тебя на сердце?» — а

она только рукой махнет, слезами зальется. «Боюсь я его, — говорит, — тетя Саша, не думала, не гадала, что у меня так жизнь сложится». Да я и сама замечать стала... Тихий-то он тихий, а она его пуще смерти боится.

— Где он живет? Где работает?

— Не знаю. Ничего мне Валя про то не говорила. Только начну у нем спрашивать, она насупится, губы задрожат, побледнеет, рукой махнет и уйдет к себе.

— Грачев помогал Марчевской деньгами?

— Да что вы! — Старушка сокрушенно закачала головой. — Какие деньги, батюшка? Раньше-то, до Вадика, Валюша жила хорошо, а как он появился, стала жаловаться на трудности. Как пьявка, он у нее все вытягивал.

Прокурор помолчал немного и спросил:

— Сколько, вы думаете, лет Грачеву?

— Лет тридцать, а может, и меньше.

— У него есть какая-нибудь специальность?

— Валя говорила, он хороший шофер.

— Какой он из себя?

— Я уж не знаю, как описать его. Высокий, здоровый, не то чтобы красивый, но ничего.

— Как одевается?

— Обыкновенно. Пиджак серый, рубашка, галстук. Скромно одевается.

Коваленко поднялась и попросила разрешения справиться о Грачеве в адресном бюро.

— Кто еще проживает в вашей квартире? — спросил прокурор.

— Никто, мы вдвоем.

— Когда Вадим Александрович был у Вали в последний раз?

— Вчера.

— Когда ушел?

— Не слышала я. Наверное, поздно. Я спать легла.

— Сколько ключей у вас от комнаты Марчевской?

— У Вали один ключ. Другой находится у меня. Я отдала его вот им. — Фагурнова показала на меня. Она снова всхлипла и поднесла к лицу мокрый от слез платок.

Прокурор подождал, пока Фагурнова успокоится, и спросил:

— Как запирается наружная дверь?

— Парадную я запираю на дверной ключ, а на ночь, да и днем иногда держу на засове. У меня хороший, крепкий засов, еще покойный муж сделал. Иногда я цепочку набрасываю.

— Значит, сегодня утром дверь оказалась отпертой?

— Нет! — удивилась старушка. — Дверь на засове была. Утром гляжу: Валя не встает. Стучу к ней, молчит. Потом смотрю: наружная дверь заперта, засов на месте.

— Вы твердо помните, что утром дверь была закрыта на засов и заперта на ключ? — переспросил прокурор.

— А как же! И сегодня и вчера. Сегодня-то я и вовсе не выходила. Плохо себя чувствую. Весь день пролежала.

— Странно, — вполголоса заметил прокурор; подумав немного, он спросил: — У вас есть еще двери на улицу?

— Есть из кухни, только она забита наглухо. Мы ею не пользуемся.

— А окна? Все запираются?

— Я каждый вечер, батюшка, проверяю и в кухне и везде, и даже ставни закрываю.

— В какое время вчера пришел Вадим Александрович?

— Они вчера вечером часов в одиннадцать вместе явились. Я им открыла. Валя мне сказала: «Мы, наверное, скоро уйдем». Вот я сегодня утром и подумала... Стара стала, все забываю, небось, спросонья дверь за ними сама закрыла, а потом и запаятовала. Вы уж извините, товарищ начальник, как-никак, сёмьдесят третий годок пошел...

— Будьте добры, товарищ, — обратился ко мне прокурор, — позовите сюда майора Гончарова. А вы, — обратился он к вернувшейся Коваленко, — заканчивайте допрос.

Коваленко с Фагурновой ушли на кухню, я пошел за Гончаровым, — в передней столкнулся с санитарями, выносившими тело Марчевской для отправки в морг.

— Федор Георгиевич, оказывается, не только окна, но и двери сегодня утром оказались запертыми изнутри, — этими словами прокурор встретил вошедшего Гончарова.

— Да, я обратил внимание на это обстоятельство, — ответил Гончаров.

— Но если из квартиры никто не выходил, — продолжал прокурор, — значит, никого, кроме Марчевской и Фагурновой, не было. Кто же тогда убил Марчевскую?

— Я надеюсь, вы не предполагаете, что Фагурнова причастна к преступлению? — спросил Гончаров.

— Конечно, нет! — улыбнулся прокурор. — Надо полагать, что к этому преступлению имеет отношение знакомый Марчевской — Грачев. Но исчезновение его отсюда мне непонятно. Может быть, у вас имеются новые данные?

— Товарищ прокурор,— вопросом на вопрос ответил майор,— вы были в палисаднике?

— Нет. А что?

— Пойдемте. Я вам покажу кое-что интересное.

Прокурор с Гончаровым вышли из квартиры. Я пошел вслед за ними.

У ограды двора уже толпился взволнованный народ. До меня донеслись реплики.

— Что делается! — вздыхала пожилая женщина в синем с горошком платье и белым кружевным воротничком. — И откуда среди нас такие изверги берутся?

— В семье не без урода,— ответил чей-то низкий мужской голос.

— Я бы с такими паразитами,— ожесточенно говорил молодой мужчина с новым детским велосипедом и продуктовой сумкой в руках,— я бы с такими гадами, как с самыми лютыми врагами, расправлялся!

— Надо еще словить их,— возразил тот же низкий мужской голос.

— Будьте спокойны, всех переловят,— уверенно сказал стоявший впереди всех мужчина в летнем полотняном пиджаке с двумя рядами орденских планок.

Глава X

Грачев-Огурчиков-Бороздин

Работы в палисаднике заканчивались. Проводник собаки, записав результаты ее поисков, сидел на скамейке и, покуривая, ожидал дальнейших распоряжений Гончарова.

Молодой человек с комсомольским значком в петлице хлопотал над просушкой слепков следов и осторожно ножичком срезал с них наплывы гипса.

— Александр Иванович,— обратился к нему Гончаров,— что со следами пальцев на окне?

Молодой человек подошел к майору и тихо сказал, что следы уже обработаны и отправлены для срочной проверки.

— А почему из-под окна воду не отвели?

— А разве нужно? — спросил Александр Иванович. — Смотрите, товарищ майор, сколько мы отлили слепков. И ведь все равно там, в воде, следы вряд ли хорошо сохранились.

— Вы не мудрите. Это нужно сделать обязательно!

— Слушаюсь. Сейчас сделаем.

— Какие шажки мелкие и неровные! — заметил прокурор, поглядев на следы.

— Правильно! Очень интересные следы! — подтвердил Гончаров.

Я подошел к Александру Ивановичу, начавшему отводить воду из лужи под окном Марчевской.

— Скажите, — обратился я к нему, — что значит «интересные следы»? Я понимаю: интересная книга, интересная пьеса... Объясните, пожалуйста, как вы делите следы на неинтересные и интересные?

Александр Иванович засмеялся и спросил:

— Вы видите, куда ведут эти следы?

— Вижу. Кто-то подходил, а может быть, и влез в окно.

— Нет. Неверно. Никто не подходил, и никто не лез в окно.

— Но ведь следы обращены к этому окну. Вот ямка от каблука, впереди — от подошвы.

Александр Иванович покачал головой. Взяв из лежавшего рядом раскрытого чемодана резиновую грушу, он стал аккуратно отсасывать остатки воды из следов, отпечатавшихся в мягкой глине.

— Не кажется ли вам странной близость следов друг от друга? — заговорил он снова, отложив грушу и нарезая ножницами полоски из промокательной бумаги.

— Честно говоря, нет!

— Сразу видно, что вы не следопыт. Следы очень часты. Посмотрите, как короток шаг. Размер такого шага, если учесть размер обуви, никак несвойственен шагу взрослого человека, и линия пути ломаная. Это вам тоже ни о чем не говорит?

Я снова стал разглядывать дорожку.

Подошли Гончаров с прокурором. Они внимательно прислушивались к объяснениям Александра Ивановича.

— К этому следует добавить, — продолжал тот, — что человек, идущий нормальным шагом, ступает сперва всей тяжестью тела на пятку, а затем на подошву. Вы представляете себе движение пресса с промокательной бумагой по написанному чернилами письму? Нога, обутая в ботинок, точно так же ступает сперва на каблук, затем как бы прокатывается на земле от каблука на подошву. Таким образом, от заднего острого края каблука обозначается резче след. Понятно?

— Понятно, но ведь здесь вся ступня хорошо отпечаталась на глине!

— Нет, в данном случае произошло необычное явление.

Носок, вернее, его передний край, оставил след глубже и яснее, чем каблук.

Вмешался Гончаров:

— Человек пятился назад и ступал не на пятку, а на носок. Чтобы не поскользнуться и не упасть на мокрой, размытой дождем глинистой дорожке, он часто оглядывался. Вот вам объяснение, почему линия пути получилась ломаной. Далее... Человек не влез в окно, а выпрыгнул из него. Глубокие следы от прыжка находятся под самым окном, но там они были скрыты от нас лужей.

— Каким же образом окно оказалось запертым изнутри? — удивился прокурор.

— Это — главное, что я хотел вам показать. Никаких чудес здесь нет. Я осматривал окно: оно заперто только на нижний засов, который немного заржавел и может задерживаться в верхнем положении. При самом незначительном толчке засов соскальзывает вниз и, опускаясь в гнездо, запирает окно. Когда преступник захопнул за собой окно, оно заперлось, и это обстоятельство ввело вас в заблуждение.

Гончаров помолчал, потом вновь заговорил:

— Мне кажется, история этого преступления такова. После убийства Орлова Грачев и Марчевская не сразу вернулись домой. Страх гнал их от дома. Дальнейшее пока можно только предполагать. Надо думать, что Марчевская увидела, в какую пропасть она брошена своим милым другом, а он понял, что Марчевская — опасный свидетель. Произошло объяснение, ссора — и в результате Марчевской не стало... Дождь перестал на рассвете, часов в пять утра, значит, этот человек выпрыгнул в окно и ушел от Марчевской позднее, когда дождь прекратился, иначе следы были бы размыты. Грачев, если можно так выразиться, лгал ногами. Он хотел, чтобы сотрудники милиции по направлению следов решили, что убийца проник в комнату с улицы, и на этом основании вывели заключение, что он посторонний человек и его надо искать вне круга знакомых Марчевской. А о том, что, кроме этих следов, оставлены десятки других, Грачев и не подумал.

Как бы в подтверждение этих слов подошедшая Коваленко положила, что в адресном столе Грачев Вадим Александрович двадцати восьми — тридцати лет, по профессии шофер, не значит, но что по отпечаткам пальцев на стекле окна и на разных вещах в комнате Марчевской личность убийцы установлена. Это преступник-рецидивист, неоднократно судившийся за грабежи.

— Грачев — его настоящая фамилия? — поинтересовался прокурор.

— Нет, — ответила Коваленко, — Грачев Вадим Александрович, он же Огурчиков Сергей Иванович, ранее был зарегистрирован как Бороздин Николай Степанович.

— Недурно! — усмехнулся прокурор. — У этого человека содержательное прошлое.

— Грачев-Огурчиков-Бороздин? Этого субъекта я немного знаю... да-да. Я читал его дело после одного из арестов, — сказал майор. Он потер лоб, вспоминая ускользнувшие из памяти детали, и неторопливо заговорил:

— Из школы его выгнали за пьянство, за хулиганские выходки. В компании таких же бездельников он пропадал на бегах, в ресторанах, добывая для этого деньги любыми путями. Отец его, помнится, занимался какими-то темными, спекулятивными махинациями.

— Но куда скрылся Грачев? Где его искать? Ведь нет никаких данных! — огорченно сказал я.

— Неверно! — возразил Гончаров. — Не забывайте, что до последнего дня Грачев открыто встречался с Марчевской, открыто навещал ее. Это многого стоит. Убитая здесь жила не один год, у нее, должно быть, немало подруг и просто знакомых...

Вернувшись в дом, я чувствовал себя слегка утомленным. Сказывались волнение и напряженность прошедшего дня. Я присел возле окна и задумался о том, как нужно не любить жизнь, людей, чтобы совершать подобные преступления.

— Мечтаете? — раздался знакомый, чуть глуховатый голос майора. — Но почему у вас такой унылый вид? Устали?

— А чему радоваться, Федор Георгиевич? Оснований для веселья маловато.

— Ну, знаете, в нашем деле пессимистом быть нельзя... Пессимизм везде вреден, а в нашем деле особенно.

Майор сел за стол и закурил. Вскоре он сам нарушил молчание, как будто продолжая недавний разговор:

— Вот вы сказали, нет данных... Никитин и Фагурнова характеризовали Марчевскую как веселую, жизнерадостную женщину. Мы установили, что у нее была подруга, которая часто заходила к Марчевской, и они делились своими сердечными тайнами. Так было раньше, так было и в первые дни знакомства Марчевской с Грачевым.

— И вы нашли эту подругу?

— Нашел и даже побеседовал с ней.— Гончаров закурил вторую папиросу.

— За последнее время Марчевскую словно подменили. Она стала избегать людей, сторониться знакомых. Это произошло, как можно догадаться, с того момента, когда она увидела настоящее лицо своего ухажера... С этого времени если Марчевская и говорила что-нибудь о своем приятеле, то только ложь. Она уже была целиком под его влиянием, она боялась и выполняла его волю. Но меня интересовал более ранний период, когда Марчевская еще не была посвящена в преступные планы Грачева... Подруга Марчевской Дуся Преображенская живет недалеко отсюда. Сейчас у нее находится Коваленко. Женщинам легче будет потолковать по душам, пооткровенничать, обо всем договориться.

В комнату стремительно вошла Коваленко.

— Ну как? — спросил Гончаров, вставая.

— Все в порядке. Дуся знала Грачева. Марчевская их познакомила. Он ей понравился. Недели две назад Марчевская спросила Дусю, не может ли она указать кого-нибудь, кто сдал бы комнату на время за городом.

— Понятно. Прописка в Москве не устраивала преступника.

— Повидимому. Такую комнату Дуся нашла. Вернее, не она, а молочница Лина, которая носит ей молоко. В Локтеве, где живет сама.

— А фамилию молочницы Дуся знает?

— Нет. Лина сегодня днем была здесь.

— Обидно.— Гончаров потер лоб.— Локтево... Если не ошибаюсь, это тридцать девятый километр от Москвы. Жаль, что уже порядком стемнело. Но ничего не поделаешь, нужно ехать сейчас же. Не такая уж сложная задача разыскать молочницу Лину. Товарищ Дроздов, подготовьте людей к операции. Кстати, Вера Анатольевна, как выглядит Лина, вы поинтересовались?

— Да, товарищ майор. Невысокого роста, лет сорока пяти, одинокая. Ничего примечательного Дуся мне сообщить о ней не могла.

— Ну что же, и на том спасибо. Собирайтесь, товарищ Дроздов. А вы,— Гончаров ласково посмотрел на Коваленко,— идите отдыхать. Отвезите документы в управление — и домой.

Коваленко крепко, по-мужски, пожала мне руку и вышла из комнаты, следом за ней вышел Дроздов. Мы снова остались вдвоем.

— Федор Георгиевич,— спросил я,— имеет ли смысл ехать ночью? Не лучше ли утром, когда станет светло?

— А если он сегодня еще кого-нибудь убьет? Нет. Медлить нельзя. Надо ехать, и как можно быстрее.

Однако на этот раз судьба нам улыбнулась. За дверью послышался шум. Кто-то с кем-то отчаянно спорил, доказывал, уговаривал, временами повышая голос. Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге мы увидели мужчину лет сорока, высокого, с худым остроносом лицом. Мужчина казался очень взволнованным. Его бледное лицо было влажно. Мокрые волосы прилипли ко лбу. Вместе с незнакомцем на пороге появился милиционер.

— Я просил вас, гражданин, немного подождать. Разве можно так... напролом! — с возмущением говорил милиционер, пытаясь отсечь посетителя из комнаты. Обращаясь к Гончарову, он объяснил: — Они говорят, из Локтева приехали, срочное дело, к вам рвутся.

Гончаров широкими шагами шел им навстречу.

— Очень хорошо, что вы приехали, очень хорошо!.. — Он долго тряс руку пришедшего. — Прошу, садитесь. Вы хотите нам рассказать про человека в сером костюме, не правда ли? Да вы садитесь, пожалуйста!

Милиционер удивленно пожал плечами и вышел. Вновь прибывший в изумлении уставился на Гончарова.

— Вы меня знаете? — испуганно спросил он.

— Нет, я вас не знаю. Но вы сказали, что хотите что-то сообщить срочное, что же тут удивительного? Советский человек хочет помочь милиции, так у нас всегда бывает. Прошу вас.

Мужчина вынул из бокового кармана пиджака паспорт и, протягивая его Гончарову, сказал:

— Моя фамилия — Кривошеев, Сергей Михайлович.

— Очень приятно познакомиться, Сергей Михайлович, — ответил Гончаров, даже не посмотрев на паспорт.

Кривошеев внезапно умолк, побледнел и схватился обеими руками за голову.

— Что с вами?

— Я страдаю головными болями, — словно извиняясь, объяснил посетитель. — Был контужен. Сейчас пройдет. Разволновался. У меня это часто бывает.

— А вы не волнуйтесь, рассказывайте все по порядку, лучше всего с того момента, когда вы в первый раз увидели мужчину в сером костюме.

— Я увидел его в первый раз,— словно отвечая заученный урок, начал Кривошеев,— недели две назад. Его привела ко мне соседка по даче — Ушакова Акулина Павловна.

— Молочница Лина?

— Да, так ее зовут все. Она попросила меня сдать этому человеку верх дачки. Одну комнату с террасой. У меня маленькая дачка в Локтеве. Я согласился. И вот ко мне приехал еще молодой мужчина, точно, в сером костюме. Он принял все мои условия. Переехал. А сегодня я встретил Лину. Она мне рассказала, что Марчевская, которая брала у нее молоко, убита... А человек, которого она привела ко мне,— друг Марчевской. Она даже у него не раз на даче бывала. Вот у меня и мелькнуло подозрение, не имеет ли этот человек отношения к убийству. Я спросил у Лины адрес и приехал.

— А почему вы его заподозрили? — поинтересовался Гончаров.

— Видите ли,— запинаясь, проговорил Кривошеев,— у моего жильца какие-то неполадки с паспортом. Живет он без прописки, нигде не работает, в общем, странный образ жизни ведет... Я, конечно, понимаю, что нарушил паспортный режим, но...

Гончаров усмехнулся.

— Но... жилец предложил вам хорошую плату, и вы решились пойти на такое нарушение.

Кривошеев молча опустил голову.

— Когда вы его в последний раз видели?

— Сегодня он не ночевал дома. Приехал на дачу незадолго до моего отъезда.

Гончаров посмотрел на часы.

— Сейчас без четверти одиннадцать. Надо поторопиться.

— Надо торопиться! — как эхо, повторил Кривошеев.

— Вы, Сергей Михайлович, поедете с нами. Главное, не мешкать.

Глава XI

Встреча на перроне

Мы вышли на улицу. Моросил дождь. Мокрый асфальт мостовой блестел и искрился под ярким светом фонарей. Две машины ожидали нас у ворот соседнего дома. В одной поместились Дроздов и его сотрудники. Гончаров, Кривошеев и я сели в другую. Машины развернулись и понеслись по еще оживленным улицам.

Мимо нас точно проплыли стадион «Динамо», Аэропорт, поселок Сокол. Сквозь стекла мелькали вперемежку многоэтажные дома, небольшие домики, огоньки каких-то строений, заборы новостроек, застекленные крыши заводских корпусов. Наконец город кончился, и по обеим сторонам шоссе потянулись поля, перелески, дачные поселки.

Гончаров наклонился к шоферу и о чем-то спросил.

Откинувшись обратно на спинку сиденья, он сказал:

— Скоро Локтево.

Через некоторое время машина резко свернула вправо. При слабом свете редких уличных фонарей стали видны очертания домиков, разбросанных на небольшом расстоянии друг от друга. Перед нами расстилалась маленькая дачная улочка, по обеим сторонам которой темнели крыши и мезонины дач. Машина замедлила ход и остановилась. Я увидел, как сзади на небольшом расстоянии от нас погасли фары второй машины. На улице не было видно ни одного прохожего. Только лай собак нарушал ночную тишину да в соснах шумел ветер.

— Прошу вас пока оставаться в машине, — сказал майор и бесшумно вышел. Некоторое время мне была видна его фигура, потом она словно растаяла в темноте. Мы сидели молча, и только Кривошеев, тяжело вздыхая, изредка что-то шептал.

Скоро Гончаров вернулся. Отворив дверцу машины, он тихо сказал, обращаясь к Кривошееву:

— Люди расставлены. Все идет по плану. У меня к вам просьба: зайти на дачу и показать, где находится ваш квартирант.

Кривошеев ничего не ответил. Послышался его очередной тяжелый вздох. Видимо, поняв, в каком состоянии он находится, Гончаров успокоительно добавил:

— Да вы не нервничайте, никакой опасности нет, мы все предусмотрели и все учли. Вы хозяин дачи, приехали к себе, что в этом особенного? Если он там, а судя по тому, что не видно ни огонька, уже спит, тем лучше. Я пойду вместе с вами. Хорошо?

— Хорошо, — хрипло проговорил Кривошеев. Гончаров, протянув руку, помог ему выйти из машины.

В машине остались я и шофер. Снова воцарилась тишина. Шофер переложил пистолет из заднего кармана брюк в пиджак и стал напряженно всматриваться в темноту.

Давно забытые фронтовые ощущения проснулись во мне.

Нервы напряглись, слух улавливал малейший шорох, привыкшие к темноте глаза начали различать отдельные предметы.

Послышались быстрые шаги. Бегом возвращались сотрудники Дроздова. Неужели все кончилось?

Я тихо окликнул капитана. Он, не останавливаясь, махнул рукой и побежал к своей машине. Машина тут же начала разворачиваться, и ее красные огоньки быстро исчезли в темноте. Почти тут же подошли Гончаров, Кривошеев и с ними один из сотрудников Дроздова, лица которого я так и не смог разглядеть.

— В чем дело, Федор Георгиевич? — спросил я.

— Птичка улетела! Товарищи поехали перекрыть шоссе, а я со старшим лейтенантом Машукиным поеду на станцию. Судя по горячей воде в чайнике, он ушел незадолго до нашего прихода. Товарищ Кривошеев, садитесь с шофером, показывайте кратчайшую дорогу на станцию. Поезд должен пройти через Локтево в час сорок пять минут. Мы успеем.

Теперь машина неслась, не разбирая дороги. Нас бросало из стороны в сторону... Мы поворачивали, крутили, объезжали деревья, строения... Наконец тряска кончилась. Мы выехали на асфальтированное шоссе. Через несколько секунд показалась станция, и мы остановились на значительном расстоянии от нее.

— Товарищ Кривошеев, — приказал Гончаров, выходя из машины, — вы только издали укажите его, больше от вас ничего не требуется.

В темноте все двинулись к одноэтажному зданию станции, стоявшему посреди длинной деревянной платформы.

— Вы что, тоже хотите пойти с нами? — тихо спросил меня Гончаров.

— Я хочу участвовать в задержании преступника. Разрешите! — ответил я.

— Нельзя. Операцию проводят сотрудники милиции, и я не имею права привлекать посторонних. Наблюдайте издали.

Повелительный тон его не допускал возражений. Майор повернулся к Машукину и спросил:

— Пистолет в порядке?

— В порядке, товарищ майор, не беспокойтесь.

— Пошли, только без шума! Без моего разрешения оружие не применять.

Майор стал подниматься на платформу. Кривошеев с Машукиным обогнули ее и пошли низом. Я некоторое время

смотрел вслед, дал им возможность удалиться, потом последовал за Гончаровым. Скоро станционное здание скрыло его от меня. Несмотря на позднее время, платформа была хорошо освещена, и, поднявшись на нее, я сразу увидел Гончарова, одиноко стоявшего возле киоска. Я подошел к нему. Он укоризненно покачал головой.

— Как дела? — спросил я.

— Он в конце платформы.

— Федор Георгиевич, я тоже пойду туда, иначе я ничего не увижу.

— А что там видеть? Впрочем... — Гончаров на мгновение задумался, — идите, сядьте на ближайшую от этого субъекта скамейку и делайте вид, что ждете дачного поезда. Только ни во что не ввязывайтесь...

— Хорошо, обещаю!

На платформе было пусто. Редкие уезжающие собрались под навесом и ждали поезда. Небольшая группа молодежи пела под гитару: «А парень с милой девушкой на лавочке прощается...» Запевал приятный девичий голос.

Неторопливо шагая, я пристально глядел по сторонам... И вдруг увидел в самом конце платформы, на скамейке, вдали от фонаря, одиноко сидящего человека. Стараясь не вызывать подозрения, с деланной беспечностью я опустился на ближайшую свободную скамейку и огляделся. Ни Гончарова, ни его сотрудников нигде не было видно.

Как бы между прочим я взглянул на своего соседа.

Грачев сидел в позе отдыхающего человека, откинувшись на спинку скамейки и вытянув длинные ноги.

Это был крупный, хорошо сложенный мужчина, одетый в серый костюм. Овальное лицо, не лишенное приятности, все же тайло в себе какую-то несоразмерность... Тяжелый, словно каменный, подбородок, тонкие губы, слегка сужающийся кверху лоб и большие холодные, чуть выпуклые глаза. Грачев был, без сомнения, силен: это чувствовалось во всей его крепко сбитой, массивной фигуре. Однако в нем не было ничего особенного, ничего запоминающегося. Он казался спокойным, равнодушным, и это, пожалуй, было самое страшное.

Небольшая рыжая кошечка, вытянув длинный хвост трубой, поднялась по ступенькам и, мягко ступая, важно пошла по платформе.

— Ксс, ксс, ксс, — поманил ее Грачев.

Кошечка подошла к нему и стала ласкаться о ноги. Не меняя позы, он замахнулся ногой. Кошка отпрыгнула, но удар

все же настиг ее и сбросил с платформы на рельсы. Жалобное мяуканье скоро прекратилось. Грачев продолжал сидеть как ни в чем не бывало.

Неожиданно около себя я услышал пьяные голоса, подпевавшие доносившейся песне. Я повернул голову и увидел Гончарова и молодого человека, обнявшихся и нетвердо шагающих по платформе. Они, пошатываясь, прошли до конца платформы, не обратив никакого внимания ни на меня, ни на Грачева, и стали возвращаться.

— Вань, вот бы сейчас пару котлеток по-киевски, — сказал молодой человек.

Я узнал в нем Машукина. Гончаров, в низко надвинутой кепке, названный Ваней, замотал головой, остановился, похлопал себя по карманам и сказал заплетающимся языком:

— Эх, досада, спичек нет! Курить до смерти хочется! Может, у гражданина есть?

И оба они сразу вплотную придвинулись к сидевшему на скамейке. Тот лениво шевельнулся, подобрал ноги, не глядя на них, четко, как бы отрубая, сказал:

— Нет спичек! — и демонстративно отвернулся, давая понять, что продолжения разговора не будет.

— Да быть не может, гражданин, чтобы у вас не было спичек, не можем мы этому поверить! — с назойливостью, свойственной подвыпившим, не спуская с него глаз, говорил «Ваня».

— В чем дело, ребята? — все еще сдержанно спросил Грачев. — Я же сказал русским языком: нет у меня спичек. Что вам еще надо? Проваливайте!

— А я говорю, есть спички! — настойчиво сказал Гончаров и нагнулся к Грачеву, как бы желая убедиться лично, есть у того в карманах спички или нет.

— Что такое?! — В голосе Грачева слышались гнев и злость.

Он вскочил на ноги и выпрямился во весь рост, словно желая показать, с кем имеют дело эти пьянчужки. Он был на голову выше коренастого Гончарова. Но майор хорошо знал свое дело. Ему только и нужно было, чтобы тот встал. Молниеносным движением он схватил противника за обе руки, резко рванул на себя. В то же мгновение Машукин опустил руки в карманы Грачева и вытащил блеснувший черной сталью пистолет.

— Вот вам и огонек! — насмешливо проговорил Машу-

кин. — А вы говорите, гражданин, нет спичек, ай-яй-яй, как неплохо лгать...

— В чем дело? — Грачев рванулся в сторону. — Хулиганы!

— Не волнуйтесь, гражданин Грачев, вам только придется объяснить, зачем вы носите с собой пистолет, — негромко сказал Гончаров.

Несколько мгновений задержанный молчал, затем какое-то глумливое выражение появилось на его лице:

— Я?... Оружие ношу? Да вы смеетесь, гражданин начальник... Могу чистосердечно признаться, что я Грачев — сын собственных родителей, но насчет оружия, виноват... Да что вы! Пистолет! Да разве он мой? Я от него категорически отказываюсь. Так и знайте, гражданин начальник. Это ваш пистолет. Вам мне его навязать не удастся. Я прокурору то же самое скажу: пистолетик не мой.

— Бросьте, это уже старые штучки, вы что-нибудь поновее придумайте!

Радуюсь, что могу быть чем-нибудь полезен, я подошел и сказал, что подтверждаю в любом месте, как из кармана этого субъекта...

— Гражданина, — перебил меня Гончаров.

— ...был вынут пистолет, — закончил я.

— Благодарю вас, — ответил Гончаров и, повернувшись к Машукину, резко скомандовал: — Быстро в машину его!

— Ах, так! — прошипел Грачев. — Вот вы кто!

И вдруг, рванувшись всей силой вперед, почти падая на колени и волоча за собой висевшего у него сзади Машукина, он вырвал руки и сделал скачок в сторону, прямо ко мне. Я видел какую-то тысячную долю секунды его злые стеклянные глаза, и волна страшной ненависти захлестнула меня. Как? Еще не все кончено? Хочешь удрать? Опять убивать, грабить?!

Я бросился к Грачеву, и мы оба упали на доски станционного помоста. В то же мгновение он нанес мне удар кулаком по голове, стараясь оглушить, но я уже успел схватить его за горло, и такая ненависть овладела мной, что я задушил бы его, если бы не почувствовал, как чьи-то сильные руки поднимают меня.

— Не горячитесь, — услышал я спокойный голос Гончарова, — зачем вы ввязались в драку? Я ведь предупреждал вас. Теперь он действительно будет жаловаться прокурору, что с ним сотрудники милиции невежливо обращались. Иди потом, объясняйся!

Я поднялся на ноги. Тело ныло, я чувствовал на шее за ухом кровотокающую царапину. Машукин, крепко держа за руку моего врага, вел его по лесенке вниз с помоста.

— Сойдите вниз и помойтесь,— услышал я тихий голос Гончарова. — На нас смотрят.

— В чем дело? Что случилось? — слышались взволнованные мужские и женские голоса.

— Не беспокойтесь, граждане,— отвечал Гончаров. — Просто один человек решил ехать в город, не дожидаясь поезда, в попутной машине.

Я спустился вниз, смочил у станционной водокачки носовой платок и стал прикладывать его к царапине на шее. Лицо горело, я чувствовал боль в затылке.

— Ну чего вы ввязались? — укоризненно повторил Гончаров. — Что, без вас не обошлись бы?

— Я видел, как он хочет удрать!

— А мы стоим вокруг и дремлем? Никуда бы он не удрал, а вы устроили суматоху, заработали тумак...

Все, что он говорил, было верно, но я не чувствовал ни сожаления, ни раскаяния. Я был, смешно сказать, рад, что вложил свою долю в поимку преступника и даже надавал ему тумачков.

— Идемте,— позвал меня майор. — Вот уже и Дроздов здесь.

Обе машины стояли рядом. Дроздов шел нам навстречу и, глядя на меня, весело улыбался. Конечно, ему уже обо всем доложил Машукин.

— Я ненавидел этого бандита,— признался я.

Гончаров и Дроздов громко рассмеялись.

— А вы думаете, мы в него влюблены? — сказал майор. — Но в нашем деле такой способ выражать свои чувства не годится. Да вы к тому же доставили ему несколько радостных минут. Он может в известной степени считать себя удовлетворенным тем, что ему удалось намять бока сотруднику милиции. — Гончаров, хитро прищурившись, посмотрел на меня. — Ведь он не знает вашей истинной профессии. Эх, вы! И чего было горячиться? Что это, последний случай в нашей жизни? Вся беда в том, что он, повидимому, даже не предпоследний.

Цена 70 коп.

*ОРГАНЫ ГОССТРАХА СССР
ЗАКЛЮЧАЮТ ДОГОВОРЫ*

СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ

по которым выплачивают страховые суммы
застрахованным лицам и их семьям

На страхование принимаются с врачебным
освидетельствованием и без освидетельство-
вания лица в возрасте от 16 до 60 лет на раз-
личные сроки и страховые суммы.

**ЗАКЛЮЧАЙТЕ ДОГОВОРЫ
СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ!**

За справками об условиях страхования и для
заключения договора обращайтесь в инспек-
цию или к агенту Госстраха.

*Главное Управление
государственного страхования СССР.*